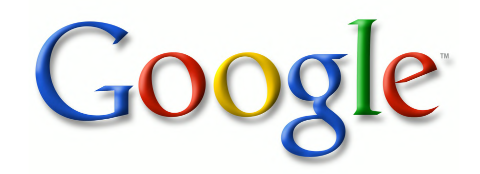
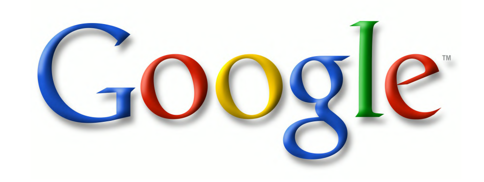

Google

ПѢСНИ ОРЕНБУРГСКИХЪ КАЗАКОВЪ.

II. ПѢСНИ БЫЛЕВЫЯ.

СОБРАЛЪ
СОТНИКЪ А. И. МЯКУТИНЪ.

ИЗДАНІЕ
ОРЕНБУРГСКАГО КАЗАЧЬЯГО ВОЙСКА.

ОРЕНБУРГЪ.
Типо-литографія Б. Бреслина.
1905.

Многоуважаемому
Николаю Андреевичу
Бородину
на память
26 мая. 1[illegible]
СПб.

ПѢСНИ ОРЕНБУРГСКИХЪ КАЗАКОВЪ.

II.

ПѢСНИ БЫЛЕВЫЯ.

СОБРАЛЪ

СОТНИКЪ А. И. МЯКУТИНЪ.

ИЗДАНІЕ

ОРЕНБУРГСКАГО КАЗАЧЬЯГО ВОЙСКА.

ОРЕНБУРГЪ.

Типо-литографія Б. Бреслина.

1905.

7

Печатано по распоряженію Наказнаго Атамана Оренбургскаго казачьяго войска.

ЕГО ИМПЕРАТОРСКОМУ ВЫСОЧЕСТВУ

ГОСУДАРЮ НАСЛѢДНИКУ ЦЕСАРЕВИЧУ

И

ВЕЛИКОМУ КНЯЗЮ

АЛЕКСѢЮ НИКОЛАЕВИЧУ,

АВГУСТѢЙШЕМУ АТАМАНУ

всѣхъ казачьихъ войскъ,

съ благоговѣніемъ посвящаетъ

ОРЕНБУРГСКОЕ КАЗАЧЬЕ ВОЙСКО.

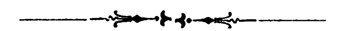
Вторая часть трудовъ сотника А. И. Мякутина, печатаемыхъ по распоряженію Наказнаго Атамана Оренбургскаго казачьяго войска генералъ-лейтенанта Я. Ф. Барабашъ и подъ редакціей Начальника Войскового Штаба генералъ-маіора барона Ѳ. Ѳ. Таубе, имѣетъ, какъ и первая, въ виду сохранить въ памяти потомства пѣсни оренбургскихъ казаковъ въ томъ именно видѣ, въ какомъ онѣ поются нынѣ.

Въ этой части помѣщены пѣсни былевыя, къ которымъ отнесены пѣсни, воспѣвающія различныя дѣйствительныя событія прошлой и настоящей жизни казаковъ, а нерѣдко и всего русскаго народа, точное установленіе связи коихъ съ опредѣленнымъ историческимъ событіемъ однако затруднительно.

Нѣкоторыя былевыя пѣсни совершенно естественно близко подходятъ къ бытовымъ, которыя составятъ содержаніе слѣдующей части.

Объясненіе тому, почему настоящій сборникъ носитъ названіе «ПѢСНИ ОРЕНБУРГСКИХЪ КАЗАКОВЪ», и почему въ него вошли нѣкоторыя пѣсни не исключительно оренбургскія, приведено въ предисловіи къ первой части.

Во второй части въ обозначеніи варіантовъ сдѣлано слѣдующее измѣненіе: вмѣсто значковъ при буквахъ поставлены цифры.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

ОТДѢЛЪ I. БЫЛИНЫ.

ОТДѢЛЪ II. ПѢСНИ РАЗБОЙНИЧЬИ.

ОТДѢЛЪ III. ПѢСНИ БЫЛЕВЫЯ БЕЗЫМЯННЫЯ.

ОТДѢЛЪ I.

БЫЛИНЫ.

Отчего начался бѣлый свѣтъ?

Какъ со вечера, братцы, притуманилось,
Со полу-то ночи сильный дождь пошелъ,
Ко бѣлой-то зарѣ приморозило.
Мы пойдемъ-ка, братцы, проходимся,
Мы во славный Кіевъ прогуляемся.
Мы взойдемъ-ка, братцы, на круту гору,
Ужъ мы встанемъ-ка посреди горы,
Ужъ мы глянемъ на всѣ стороны.
Какъ съ одной-то стороны два коня бѣгутъ
Одношерстные, златогривые;
Навстрѣчу-то имъ идетъ родная матушка.
Сошлись-то они въ полугорѣ.
Какъ и мать-то дѣтей стала спрашивать:
«Ой вы, дѣти мои, дѣти малыя!
Вы гдѣ были и что видѣли?»
Ужъ мы русскую степь изъ конца въ конецъ прошли,
А азіатскую—поперекъ ея.
Ужъ мы видѣли тамъ и слышали,
Отчего у насъ бѣлый свѣтъ пошелъ:
Бѣлый свѣтъ начался отъ сырой мати—земли, отъ синяго неба.

Записана подъесауломъ М. Т. Лобановымъ.

Конь и соколъ. **А** 1. Ужъ ты, старинушка, старой казакъ!
У старинушки головушка сѣдымъ-сѣда,
У головушки бородушка, какъ лунь, бѣла.
Была на молодцѣ шубеночка худымъ-худа, призаплачена;
Лѣва-то полычка во пятьсотъ рублей,
А права-то полычка во тысящу рублей,
А всей-то шубеночкѣ цѣны нѣтъ.
Былъ подъ молодцомъ темно-сивый конь,
Шерсть-то мышиная, грива-то козлиная.
Пробѣгалъ конечекъ по широкой большой улицѣ;
Конь бѣжитъ—земля дрожитъ,
Пѣна бьетъ, кровь идетъ, потъ ключемъ бѣжитъ.
По праву-то сторону стоитъ дубъ со шатромъ;
У сырого дуба корни-то булатные, вѣточки жемчужныя,
Сучечки хрустальные, листочки бумажные.
Подъ сырымъ-то дубомъ—стойло лошадино,
На сыромъ-то на дубу—гнѣздо соколино;
Какъ во томъ гнѣздѣ сидитъ ясный соколъ.
«Ужъ я ли, соколъ, перелетный соколъ,
Высокохонько сижу, далекохонько гляжу».
Подъ сырымъ-то подъ дубомъ стоялъ конь, прислушивался;
Съ нетерпѣнья конь съ соколомъ поспорилъ....

Ст. Сакмарская, 1902 г., урядникъ Петръ Воронжевъ; ст. Нижнеозерная, 1901 г., казачка Дарья Сошникова.

А 2. Какъ далече, подалече, во чистомъ полѣ,
Тутъ стоялъ да росъ сыръ матерый дубъ.

У сыра дуба кореньица булатныя,
А коринушка вся была жемчужная;
Сучки-вѣточки на сыромъ дубу хрустальныя,
Листочки на сыромъ дубу бумажные.
На сыромъ дубу, на верхушкѣ сидѣлъ младъ
ясенъ соколъ.
Подъ сырымъ дубомъ было стойльице кониное,
А во стойльицѣ—сивый рѣзвый конь.
Какъ ясенъ соколъ надъ добрымъ конемъ на-
смѣхаться сталъ:
«Ужъ ты, кляча, кляча, рѣзвый конь!
На тебѣ ли, конь, шерсточка не кониная,
На тебѣ ли, конь, шерсточка мышиная».
За досадушку то добру коню показалося,
И ясенъ соколъ съ добрымъ конемъ стали
спорити;
Они спорили не объ ста рубляхъ, не объ тысячѣ,
А о буйныхъ своихъ головушкахъ:
«Какъ тебѣ-то летать, добрый конь, по сырой
землѣ,
А мнѣ, соколу,—по поднебесью».
Конь бѣжитъ—вся земля дрожитъ,
А соколъ летитъ, какъ колоколъ звенитъ.
Прибѣгаетъ конь до мѣстечка до урочнаго, до
колодца до глубокаго.
Ужъ онъ часъ, другой стоитъ—нѣту сокола;
На третьемъ часу появляться сталъ.
Прилетѣлъ соколъ ко добру коню, пропустивши
срокъ;
Тутъ ясенъ соколъ добру коню извиняться
сталъ:
Ты прости меня, разлюбезный конь, виноватаго;
Я летѣлъ соколъ по поднебесью шибче вихоря
И увидалъ я тамъ стадо лебедей;
Выбралъ я себѣ что не лучшую лебедушку,
Съ лебедушкой я потѣшился,

Какъ за этимъ-то я, ясенъ соколъ, позамедлился».

Ст. Нижнеозерная, 1903 г., казакъ Крыловъ.

А 3. Далеченько, далеченько, во чистомъ полѣ, того было подальше,
При долинушкѣ стоялъ сыръ матерый дубъ.
У сыра дуба кореньица были булатныя,
У сыра-то дуба кожурочка вся жемчужная,
На сыромъ дубу сучки-вѣточки были хрустальныя, а листочки бумажные;
Подъ сыромъ-то дубомъ было стойльице конное;
На сыромъ-то дубу была посидочка,
И эта посидочка—соколиное гнѣздышко.
Ясенъ-то соколъ надъ добрымъ конемъ посмѣхается:
«На тебѣ-то, конь, шерсточка не конная,
Вся она звѣриная, звѣря лютаго, вся она мышиная».
За досадушку коню показалося.
Они спорили и объ закладъ бился,
Не объ ста рубляхъ, не о тысячѣ, а о своихъ буйныхъ головушкахъ:
За тѣ горы за высокія, ко колодезю глубокому,
Ко ключику холодному, кто успѣетъ—въ трое суточекъ;
Коню бѣжать по сырой землѣ,
Соколу-то летѣть по поднебесью.—
Конь-то прибѣгъ въ свое времячко
Въ то настоящее мѣстечко;

У ясного сокола крылышки заносисты, глазоньки заглядчивы,—
Не успѣлъ ясенъ соколъ въ свое времячко
И упалъ коню въ рѣзвы ноги
И сказалъ: «Прости меня, сивый добрый конь:
Мои глазоньки заглядчивы, мои крылышки заносчивы,—
Не успѣлъ я въ свое времячко».

Записана войск. старш. Н. К. Бухаринымъ въ станицѣ Нижнеозерной отъ казака Евгенія Донскова.

Змѣй— Тугаринъ. A 1.

Какъ у нашего было у князюшки, было у Владиміра,
Собиралася пиръ-бесѣдушка все почетная,
Все честная, хвальная компанія, она много радошная.
Во бесѣдушкѣ сидѣли одни люди добрые,
Люди добрые сидѣли—все князья, бояре.
Они пьютъ, ѣдятъ, гуляютъ, славно прохлаждаются,
Промежду они себя славно выхваляются:
Какъ богатый-то хвалится онъ своимъ богатствомъ,
Какъ бѣдный-то хвалится онъ своей бѣдностью,
Какъ и сильный-то хвалится, а онъ своей силушкой,
Ужъ онъ силушкой хвалится, а онъ богатырскою,
Какъ убогій-то хвалится, а онъ Божьею милостью.
Не княгинюшка по сѣничкамъ она все похаживала,

Что крутыми бедерочками шельма поворачивала,
Широкими рукавами шельма поразмахивала,
Золотыми перстенечками шельма все просіявила,
Дорогими-то ключами шельма все пробрякнула,
А сама-то частехонько въ окошечко сама все поглядывала:
Она ждала, поджидала къ себѣ друга милаго,
Друга милаго ждала къ себѣ—змія лютаго,
Змія лютаго ждала только семиглаваго.
Не туманчикъ то съ моречка, братцы, поднимается,
Что по чистому полечку туманъ растилается—
Подымался разсобака злой Тугаринъ-змѣй;
На конѣ-то сидитъ собака, ровно сѣнная копна,
Голова-то у разсобаки съ медовой большой котелъ,
А глаза-то у собаки, ровно чаши золоты.

Ст. Разсыпная, 1903 г., казакъ Ефимъ Пимоновъ.

А 2. Какъ у князюшки было у Владиміра,
Собиралась бесѣдушка очень малая.
Во бесѣдушкѣ да сидѣли у насъ люди добрые,
Люди добрые сидѣли—все князья да бояры.
Они пьютъ, да ѣдятъ, все прохлаждаются,
Между-то собой похваляются:
Какъ богатый-то хвалится онъ богатствомъ,
Какъ сильный-то хвалится своей силушкой,
А бѣдный-то хвалится онъ своей Божьей милостью.
Дуняшенька она по сѣничкамъ, Дуня похаживала,

Широкими рукавами Дуня приразмахивала,—
Она ждала да дожидала къ себѣ друга милаго.

Записана отставнымъ генералъ-майоромъ А. И. Суровымъ.

Богатырь Илья Муромецъ.

А 1.

Ты, старинушка, старой казакъ,
Старой казакъ Илья Муромецъ,
Илья Муромецъ, сынъ Ивановичъ.
У старинушки бородушка сѣдымъ-то сѣда,
У старинушки бородушка все бѣлымъ-то бѣла;
На старинушкѣ шубеночка все худымъ-то худа,
Одна пола во пятьсотъ рублей,
Другая-то пола во тысячу,
А всей-то шубеночкѣ и цѣны-то нѣтъ.
Пошелъ Илья на конюшеньку,
Сѣдлалъ-то Илья добра коня,
Онъ накидывалъ сѣделечко черкесское,
Онъ затягивалъ, Илья, двѣнадцать подпругъ шелковыхъ,
Не для красы Илья затягивалъ—для крѣпости.

Ст. Оренбургская, 1903 г., казакъ Михаилъ Михайловичъ Головинъ 77 лѣтъ; записана подъесауломъ Н. С. Головинымъ.

А 2.

Ты, старинушка ли, старинушка,
Ты, старой казакъ, Илья Муромецъ!
У старинушки головушка, ровно лунь бѣла,
На старинушкѣ шубеночка худымъ-худа,

Худымъ-худа, вся изорвана;
Какъ лѣвая его полушка—во пятьсотъ рублей,
А правая полушка—во всю тысячу,
Какъ всей-то шубеночкѣ и смѣты нѣтъ.
Какъ задумалъ старинушка во чисто поле ѣхать,
Во чисто поле ѣхать показаковать,
На своемъ-то онъ на добромъ конѣ
Свою силушку богатырскую онъ испробовать.—
Какъ лѣвой рученькой махнетъ—сдѣлаетъ переулочекъ,
Какъ правой рученькой махнетъ—цѣлую улицу,
Какъ его-то сивый добрый конь сильной грудушкой,
Сильной грудушкой топчетъ рать поганую.

Ст. Оренбургская, 1903 г., казакъ Филиппъ Михайловичъ Барбусовъ 76 лѣтъ и казачка Авдотья Селиверстовна Барбусова 70 лѣтъ.

А 3. Старинушка, старинушка, старой казакъ!
У старинушки бородушка сѣдымъ-сѣда,
Отъ бородушки головушка, какъ лунь, бѣла;
На старинушкѣ шубеночка худымъ-худа:
Лѣвая пола—во пятьсотъ рублей,
А правая пола—во всю тысячу,
А всей шубеночкѣ и цѣны нѣтъ.
Вздумалось старинушкѣ погулять ѣхать.
Напали на старинушку воры-разбойники,
Хотѣли изъ-подъ него отнять добра коня.
Беретъ старинушка свой тугой лукъ,
Накладываетъ старинушка кленову стрѣлу,
Пускаетъ онъ въ бѣлую березоньку;
Расщепалъ березоньку на мелкія частички,

Какъ на мелкія частички, на ножевые черенья.
Того страху разбойники испугалися,
Отъ страху старинушкѣ поклонялися.

Записана войск. старш. Н. К. Бухаринымъ въ 1890 г. въ ст. Верхнеозерной отъ Алексѣя Ивановича Бѣлянинова 75 лѣтъ.

А 4. Старинушка, старой казакъ!
У старинушки головушка сѣдымъ-сѣда,
А бородушка, ровно лунь, бѣла.
Собирается старинушка въ путь-дороженьку;
Сѣдлаетъ своего добра коня:
Накладываетъ сѣделечко черкасское,
Потнички—бѣлъ-поярчаты,
Подтягиваетъ двѣнадцать подпругъ съ подпругою.
Садится старинушка на добра коня,
Выѣзжаетъ на высокъ курганъ,
На тѣ холмы на окатистые.
На тѣмъ бугру слѣзалъ со добра коня,
Разбилъ свой полотнянъ шатеръ.
Наѣхали на него злы разбойники.
Пробуждалъ его его добрый конь правой ногой.
Поднялся онъ, старой казакъ,
Бралъ свой тугой лукъ,
Накладывалъ кленову стрѣлу,
Ударилъ въ разбойниковъ
И попалъ въ сосновую древку,
Расщепалъ ее на двѣнадцать штукъ,
И оттого разбойники назадъ вернулись.

Записана войск. старш. Н. К. Бухаринымъ въ 1888 году въ ст. Татищевской отъ Степана Прокофьевича Смирнова 83 лѣтъ.

Богатырь Добрыня Никитичъ.

А.

Во славномъ во городѣ во Кіевѣ
Жилъ-былъ старой старичекъ,
По имени старинушка Микитушка;
Живши-бывши состарился и преставился.
Оставалось у Микитушки все житье-бытье и все имѣньице
И весь широкій его дворъ со подворьицемъ,
Оставалась у Микитушки молода его жена съ малымъ вьюношемъ,
Со тѣмъ ли со вьюношемъ со Добрынюшкою,
Со Добрынюшкою трехъ лѣтъ и трехъ мѣсяцевъ.
Три года и три мѣсяца Добрыня золоты ключи носилъ и приворотничалъ;
Отдавала его мамушка грамотѣ учить
Ко хитрому мудрому мастеру князю,
Ко тому ли ко князю ко Владиміру.
Училъ его князь три года и три мѣсяца;
Какъ десятый годочекъ переступилъ,
Сталъ Добрыня на улицу ходить, хороводы заводить.
Въ хороводушкахъ Добрынюшка сталъ онъ шуточки шутить;
Его шуточки были не сносливы и не пріимчивы:
Кого за ногу возьметъ—ногу выдернетъ,
Кого за руку возьметъ—руку прочь онъ оторветъ,
Кого въ шеенку толкнетъ—голова съ плечъ долой.
И стали на Добрынюшку много жаловаться
Ко тому ли ко князю ко Владиміру,
Да выслалъ его князь вонъ изъ города долой;
Да пошелъ, пошелъ Добрыня вдоль по улицы въ конецъ,
Да навстрѣчу Добрынѣ идетъ старый старичекъ.
«Да Богъ помочь тебѣ, Добрыня! куда идешь?
Куда Богъ тебя несетъ?»

—«Ты скажи, скажи, старина, гдѣ Маришка тутъ живетъ?»
—«Ахъ не ходи-ка ты, Добрыня, ко маринкину двору:
Погубитъ тебя Маринка—еретница, клеветница и б....— безбожница,—
По-сорочію летаетъ, по-собачію кричитъ;
Уморила она б....ца ровно девять богатырей,
А тебя молодца уморитъ десятаго».
—«Уморю же я ее б....цу десятую».
Маринкинъ домъ во полугорѣ,
На семи столбахъ на желѣзныхъ;
У ней дворъ отыненъ кругомъ,
На каждой тычиночкѣ по маковкѣ—
По богатырской головушкѣ;
На одной тычиночкѣ нѣтъ маковочки,—
Быть добрынюшкиной головушкѣ.
Да находилъ же Добрыня на маринкинъ дворъ;
На маринкинахъ воротныхъ столбахъ да два голубя сидятъ,
На красномъ ея крылечкѣ два сторожа стоятъ.
Натягаетъ Добрыня свой тугой лукъ,
Да пущаетъ Добрынюшка кленову свою стрѣлу да во тѣхъ ли голубей.
Его лѣвая нога поскользнулася,
Его правая рука промахнулася,—
Попадаетъ Добрыня во маринкино окно,
Расшибаетъ Добрыня стѣну каменную и печь муравленную.
Выбѣгаетъ Маринка на красенъ свой крылецъ,
И кричитъ Маринка: «Какой, какой подлецъ
Сталъ со мной шутки шутить, сталъ смѣяться надо мной,
Но перееверну я тебя чернымъ ворономъ по крутымъ горамъ летать».
—«Да что же ты мнѣ, б....ца, сдѣлаешь?

Я пойду, схожу и своей бабушкѣ скажу,
Она заставитъ тебя, б....цу, сѣрымъ волкомъ ходить
И заставитъ на тебѣ воду возить:
На гору кнутомъ погонять,
А подъ гору тебѣ губы рвать».

Ст. Разсыпная, 1903 г., казакъ Осипъ Тимоѳсевичъ Клишинъ 61 года.

Б. Какъ не сырой дубъ матерый къ землѣ клонится,
Не бумажные листочки разстилаются —
Какъ раскланялся Добрыня своей матери:
«Ужъ ты гой еси, родимая родная маменька!
На меня ли Государь-Царь прогнѣвался,
Наложилъ онъ на меня службу тяжелую:
Приказалъ мнѣ по бѣлу свѣту проѣхати,
Все, про все Добрынюшкѣ разспросити,
Разспросити, разспровѣдати».
Онъ беретъ, беретъ Добрыня тесьмяную узду,
И всходитъ Добрыня во конюшеньку,
Обратываетъ добра коня;
Надѣваетъ онъ уздечку тесьмяненькую
И накидываетъ сѣдельице черкесское;
Онъ подтягиваетъ двѣнадцать подпругъ шелковенькихъ,
Онъ не для красы, Добрыня, а для крѣпости.

Ст. Нижнеозерная, 1903 г., казачка Дарья Сошникова; ст. Оренбургская, Бердскій поселокъ, 1903 г., казачка Анастасія Бѣлякова.

В. Какъ со вечера Добрынѣ Никитичу
Ему приказъ отданъ былъ.
Ко полу-то-ночи Добрынюшка
Да онъ собираться сталъ;
На бѣлой-то зарѣ сыночекъ Никитичъ
Сталъ коня сѣдлать;
На восходѣ было красно солнышко,
Да онъ сталъ со двора съѣзжать.
Какъ никто-то его, Добрынюшку,
Его провожать нейдетъ,
Провожала его, Добрынюшку,
Его матушка родимая,
Вовторыхъ-то провожала его хозяюшка—
Шельма—молода жена;
Молодой-то женѣ онъ, хозяюшкѣ,
Наказы сталъ наказывать:
«Ты живи-ка, живи, молодая моя жена,
Живи ровно девять лѣтъ,
Какъ на десятомъ-то году, молода жена,
Тебѣ двѣ волюшки:
Хочешь замужъ иди или во вдовахъ сиди,
Моя женушка».

Ст. Разсыпная, 1903 г., казакъ Никифоръ Секретевъ.

Г. Какъ не стукъ стучитъ во теремѣ, не громъ гремитъ,
Что не сырой дубъ ко могучей землѣ клонится,
Не лавровые листочки растилаются—
Какъ раскланялся Добрыня своей матери,
Пречестной вдовѣ Ефиміи Александровнѣ:

«Ужъ ты гой еси, моя родная матушка,
Пречестная вдова, Ефимія Александровна!
Я не злата у тебя прошу, не серебра,
Я прошу у тебя велико благословеньице
Отъ ретиваго твоего сердечушка».
Какъ пошелъ сынъ Добрыня на задній дворъ,
Выбралъ коня что не лучшаго,
Что не лучшаго, что не ѣзженнаго;
Надѣвалъ узду ременную, тесьмяную;
Онъ накидавалъ подкидочку бѣлъ-поярчатую;
Онъ накладывалъ сѣдельице черкасское;
Онъ подтягивалъ двѣнадцать подпругъ шелковыхъ,
Онъ не для красы, Добрыня, все для крѣпости.
Какъ садился Добрыня на своего коня,
Поѣхалъ Добрыня со широка двора.
Его матушка взялась за гривушку,
А молода жена за стремечко.
—«Ужъ ты гой еси, сынъ Добрыня Никитьевичъ!
На кого ты меня, при старости лѣтъ, покидаешь?
А молодой женѣ что приказываешь?»
—«Говорилъ я своей молодой женѣ:
Черезъ девять лѣтъ хоть меня домой не жди,
На десятомъ годочкѣ хоть замужъ поди:
Хоть за князя, хоть за барина,
Не ходи только за Алешу Поповича:
Мнѣ Алеша названый братъ».

Ст. Оренбургская, 1903 г., казаки Филиппъ Михайловичъ Барбусовъ 76 л. и Никита Ильичъ Качалинъ 53 л.

Молодой донской казакъ и турчанинъ. **А** 1.

Какъ леталъ-то, леталъ сизой орлюшка,
по горамъ леталъ,
Онъ леталъ-то, леталъ, все полетывалъ,
Онъ Донское войско высматривалъ;
Онъ проѣздъ-то имѣлъ кругъ Донска войска,
Онъ Донское войско выспрашивалъ:
«Нѣтъ ли у васъ, во Донскомъ войскѣ,
Нѣтъ ли охотничка и поединщика
Сопроти меня, млада турчанина?»
Выѣзжалъ изъ Донска войска молодой казакъ,
Молодой казакъ лѣтъ семнадцати.
Выѣзжаетъ онъ на высокъ курганъ,
На высокомъ на курганѣ Богу молится,
Богу молится, низко кланяется,—
Онъ съ Донскимъ войскомъ прощается:
«Ты прости-ка, прощай, войско Донское;
Благослови меня, отецъ съ матерью».
Они съ турчаниномъ съѣхались, поздоровались,
Разъѣхались, распростилися, другъ на дружку
располчилися.
Молодой турчинъ донского казака изъ сѣдла
вышибъ.
Обратилъ донской казакъ добра коня,
Онъ снесъ турчину буйную голову,
Онъ повезъ ее своему Царю Бѣлому.

Ст. Разсыпная, 1903 г., казакъ Илларіонъ Сухановъ и 1904 г., нестр. старш. разряда Гавріилъ Гурѣевъ.

А 2. Не ясенъ соколъ по крутымъ горамъ летаетъ—
Злой турчинъ по степи гуляетъ;
Какъ проѣздъ имѣлъ вкругъ Донска войска,
Надъ Донскимъ войскомъ посмѣхается
И называетъ войско—вороною:
«Ты, ворона ли, ворона, войско Донское!
Нѣтъ изъ васъ охотника и на меня поединщика».
За досаду войску Донскому показалося.
Выѣзжалъ-то изъ Донска войска молодой казакъ,
Отъ роду ему лѣтъ семнадцать,
И выѣзжалъ же онъ спротивъ злого турчанина.
Какъ съѣхались съ нимъ, поздоровались,
Поздоровавшись, врозь поразъѣхались,
Промежъ ихъ земли—на двѣнадцать верстъ;
Поразъѣхавшись, съ нимъ ударились.
Побивалъ-то молодой вьюноша злого турчина
И отрубилъ ему башку поганую;
Онъ взялъ ее за черны кудри
И повезъ ее къ Царю Бѣлому.
И за то его Царь много жаловалъ:
Цѣловалъ его въ буйну голову.
—«Еще Богъ тебѣ помогъ, молодой казакъ,
Злого турчина убить».

Записана войск. старш. Н. К. Бухаринымъ въ ст. Разсыпной.

А 3. Что не сизой орелъ по поднебесью леталъ—
Младой-то турчанинъ по войску разъѣзжалъ;

Онъ искалъ себѣ поединщика,
Споединщика спротивъ себя молодого турчанина.
Надъ Донскимъ-то войскомъ сталъ онъ посмѣиваться:
«Ты, ворона, ворона, Донско войско;
Еще нѣть-то въ тебѣ споединщика
Спротивъ меня, младого турчанина;
Все побью, размечу ваше войско Донское;
Даю время на часъ,—вы обдумайте сейчасъ».
А между этимъ разыгрывалось сердце удалое казачье.
Какъ возговорилъ рѣчь младъ донской казакъ:
«Вы позвольте-ка мнѣ, слугѣ вѣрному,
Съ этимъ ворогомъ со поганыимъ
Помѣриться силушкой рука объ руку;
Дайте мнѣ времени только на недѣлюшку;
Я пойду сейчасъ къ люту ворогу.
Ахъ ты гой еси, витязь, витязь, молодъ ты:
Ты напрасно оскорбляешь насъ;
Такъ кажется тебѣ, что живьемъ ты насъ съѣшь;
Нѣтъ, подавишься,—ты на одномъ мнѣ остановишься.
Если хочешь меня знать, какъ звать, величать и чествовать....
Я—сынъ казака,—Григорій Алексѣевичъ,
А по-улочно зовутъ «Рыжичка».
На прощанье я съ тобой распрощаюсь:
Хочешь ты—пикой, хочешь—шашкой рубись».
Быстро поворачиваетъ коня;
Сердце пламенемъ пылаетъ у героя;
Говоритъ онъ Царю: «Ужъ ты, батюшка Царь,
Не могу я терпѣть, надъ собой ворога глядѣть:
Ты позволь-ка мнѣ удариться съ нимъ.

Если живъ-то буду я, вы встрѣчайте меня съ барабанами,
А если убьетъ онъ меня, похороните меня со знаменами».

═══

Ст. Нижнеозерная, 1903 г., урядникъ Владиміръ Гришинъ.

ОТДѢЛЪ II.

ПѢСНИ РАЗБОЙНИЧЬИ.

Разбойничій атаманъ. *)

Какъ издалече, все подалече,
Во чистомъ-то полѣ,
Какъ еще было подалече,
Было при раздольѣ:
Стояла бѣлая береза.
Какъ со комельку бѣлая береза
Она была, была свилевата,
По середочкѣ бѣлая береза
Была трухлевата,
А къ вершинушкѣ зелена-кудрява.
Не бѣлы то снѣжки въ полѣ выпадали—
По порошицѣ охотнички выѣзжали,
Не куницу ли они съ краснымъ соболемъ искали—
Хотятъ-то, хотятъ тебя, красный соболь, поймати,
Хотятъ изъ тебя шубу сшити и бобромъ опушити.

Ст. Нижнеозерная, 1902 г., урядникъ Иванъ Ефимовичъ Стрижевъ 61 года.

*) Эта пѣсня рисуетъ ненадежное положеніе атамана и высылку противъ разбойниковъ войска.

Казаки на Волгѣ и Каспійскомъ морѣ.

А 1.

Какъ съ верховьевъ-то Волги-матушки
Выплывала же тутъ легка лодочка.
Эта лодочка изукрашена,
Парусами она изувѣшена,
Ружьецами она изуставлена,
Какъ носъ-то, корма позолочены.
Какъ въ носу-то стоитъ есаулъ съ багромъ,
А въ кормѣ-то сидитъ атаманъ съ ружьемъ,
По краямъ-то лодки—добры молодцы,
Посреди-то лодки—тонокъ бѣлъ шатеръ;
Какъ подъ этимъ шатрикомъ—шелковый коверъ;
Какъ подъ этимъ ковромъ—золотая казна.
Какъ по этой по казнѣ красна дѣвица
Она плачетъ, какъ рѣка льется:
«Мое золотое кольцо распаялося,
Драгоцѣнный камень мой разсыпался,
Моя русая коса расплеталася,
Выплеталася ала лентушка
Она славно-ярославская,
Золотая казна разсыпалася;
Изъ-за той-то казны быть вамъ сгубленнымъ:
А тебѣ-то, атаманъ, быть повѣшенному,
А тебѣ-то, есаулъ, быть разстрѣлянному,
А вѣдь вамъ, молодцамъ, срубятъ головы».

Ст. Сакмарская, 1902 г., казакъ Савелій Выровщиковъ.

А 2.

Ты взойди, солнце, надъ горою надъ высокою (взойди, а ты надъ высокою),

Ты надъ рѣченькою надъ глубокою (а ты надъ глубокою).
Обогрѣй-ка, солнце, двоихъ молодцовъ (а ты двоихъ молодцовъ):
Есаулушку а ты съ атаманушкой (а ты съ атаманушкой).
Какъ по моречку, морю по Каспійскому (по Каспійскому);
Ничегохонько въ морѣ не виднѣлося (не виднѣлося),
Только завидѣлася въ морѣ легкая лодочка (въ моречкѣ легкая лодочка).
Хорошохонько лодка была изукрашена (изукрашена),
Молодцами лодка была изусажена (изусажена);
Молодцами, гребцами, славными пѣвчими (эй, славными пѣвчими).
Во носу сидитъ атаманъ съ весломъ (эй, атаманъ съ весломъ);
Во кормѣ сидитъ есаулъ съ ружьемъ (эй, есаулъ съ ружьемъ);
Посреди лодки стоитъ полотнянъ шатеръ (и полотнянъ шатеръ);
Во шатрѣ стоитъ новъ-кленовый столъ и новъ-кленовый стулъ.
На стулу сидитъ красная дѣвица (и красная дѣвица)—
Есаулова родная сестрица (и родная сестрица)
И атаманова прежняя полюбовница (и полюбовница).
Она такъ плачетъ и плачетъ, она какъ рѣка льется (и какъ рѣка льется);
Жалобу творитъ она на отца съ матерью (и на отца съ матерью):
«Сызмалехоньку дали вы мнѣ полную волюшку (и полную волюшку),

Сызмалехоньку дали вы мнѣ—лѣтъ съ семнад-
цати (и лѣтъ семнадцати);
Богъ судья родимому моему батюшкѣ (и моему
батюшкѣ),
А и паче того сударынькѣ—родной маменькѣ».

Записана отставнымъ генералъ-майоромъ А. И. Суровымъ.

Б. Не пора ли намъ, ребята, со синя моря,
Что на матушку на Волгу, на быстру рѣку?
Еще какъ же намъ, ребята, города пройтти?
—Астраханское славное царство пройдемъ со
вечера,
А Царицынъ городочекъ—во глуху полночь,
А Саратовъ—на бѣлой зарѣ.
Мы Самарѣ городочку не поклонимся,
Въ Жигулевскихъ горахъ мы остановимся.

Ст. Разсыпная, 1904 г., урядникъ Аѳанасій Щепачевъ 81 года.

В 1. Внизъ по матушкѣ по Волгѣ,
По широкому раздолью,
Поднималася погода,
Погода не малая,
Не малая погодушка, волновая.
Ничего въ волнахъ было не видно,
Только видно, только слышно,

Бѣлы парусы бѣлѣютъ,
Бѣлы парусы бѣлѣютъ,
На гребцахъ шляпы чернѣютъ.
Какъ по рѣченькѣ плыветъ лодочка;
Во кормѣ лодки сидитъ
Атаманъ съ весломъ,
Во носу лодки сидитъ
Есаулъ съ письмомъ.
Акулина выходила,
Графинъ водки подносила,
Графинъ водки подносила,
Атаману подавала.

Ст. Нижнеозерная, 1903 г., казакъ Нилъ Соколовъ.

В2. Внизъ по матушкѣ по Волгѣ,
По широкой славной долгой;
Подымалася погода,
Погодушка не малая,
Не малая волновая.
Ничего въ волнахъ не видно,
Только видно, только слышно,
Одна лодочка чернѣетъ,
Паруса на ней бѣлѣютъ.
Этой лодочки хозяинъ
Есть хозяинъ—атаманъ нашъ.
«Приворачивай, ребята,
Ко крутому бережочку,
Ко желтому ко песочку,
Ко Дуняшину подворью!»
Дуняшенька выходила,
Графинъ водки выносила,

Атаману подавала.
„Не прогнѣвайся, атаманъ:
Въ чемъ ходила, въ томъ и вышла,—
Въ одной тоненькой рубашкѣ
И въ домашней тѣлогрѣйкѣ“.

Ст. Міасская, 1902 г., урядникъ Михаилъ Соколовъ; сообщилъ сотникъ Д. Е. Пичугинъ.

Г.

Что не черные вороны со горъ солетались—
Не молоденькіе казаченьки вмѣстѣ соѣзжались,
Они думали крѣпкую думушку заедино:
«Ужъ мы сдѣлаемте, казаченьки, маленькую складчину,
Ужъ мы сложимтесь по одной полтинкѣ,
Ужъ мы купимте, казаченьки, легкую лодку,
Ужъ мы грянемте, казаченьки, внизъ по Волгѣ.
Какъ на этой на Волгѣ есть островочекъ,
Какъ на этомъ островочкѣ стоитъ домикъ,
Какъ во этомъ домикѣ есть хозяинъ,
У этого хозяина есть приказчикъ,
У этого приказчика есть дочь хороша;
Просилася дочь у батеньки на крутенькій бережочекъ
Съ нами, казаченьками, повидаться,
Желательно дѣвченочкѣ знать про нашу Россію.»

Ст. Разсыпная, 1904 г., казакъ Петръ Ломакинъ 62 лѣтъ.

Казаки на Яикѣ (Уралѣ).

А.

Вымстывалъ нашъ Яикушка
На синемъ морѣ Камынъ-островъ.
На островѣ Камынѣ казаки живутъ,
Казаки живутъ, люди вольные.
Разбивали они на синемъ морѣ
Бусы-корабли, все легкія лодочки.
Разбили одну лодочку съ золотой казной;
Снимали съ золотой казной красну дѣвицу,
Красну дѣвицу, раскрасавицу, дочь купеческую.
Начали дѣлить золоту казну промежду себя;
На-конъ клали раскрасавицу, красну дѣвушку;
Начали между себя жербій трясти.
Доставалась атаманушкѣ красна дѣвушка.
Возговорилъ тутъ атаманушка таковы слова:
«На бою-то я, атаманушка, самый первый былъ,
На паю-то, на дуванѣ, я послѣдній сталъ:
Досталась мнѣ, атаманушкѣ, красна дѣвушка».
Возговорила красна дѣвушка таковы слова:
«Ужъ ты гой еси, казачій атаманушка!
У меня на правой рукѣ есть золото кольцо,
Золото кольцо, оно во пятьсотъ рублей,
Подвязочка есть на мнѣ, атаманушка, во всю тысячу,
А самой-то мнѣ, красной дѣвушкѣ, цѣны нѣтъ».

Ст. Нижнеозерная, 1903 г., казачка Дарья Сошникова.

Б 1.

За Ураломъ, за рѣкой, казаки гуляютъ
И стрѣлою каленой за рѣку пущаютъ.
Гей, гей, живо не робѣй!
Пѣсни распѣваютъ.

Казаки не простаки, волные ребята;
У всѣхъ на шапкахъ тумаки, всѣ живутъ богато.
Гей, гей, живо не робѣй!
Всѣ живутъ богато.
Въ темномъ лѣсѣ до полночи въ полѣ разъ-
ѣзжаютъ:
Все добычу стерегутъ, свищутъ, не зѣваютъ.
Гей, гей, живо не робѣй!
Свищутъ, не зѣваютъ.
Нашъ товарищъ—острый ножъ, сабля лиходѣйка;
Пропадемъ хотя за грошъ, жизнь наша копейка!
Гей, гей, живо не робѣй!
Жизнь наша копейка!
Вотъ сибирскіе купцы ѣдутъ съ соболями....
Налетимъ, братцы, на нихъ, налетимъ орлами!
Гей, гей, живо не робѣй!
Налетимъ орлами!
Сладко выпьемъ, поѣдимъ—все горе забудемъ
И ужъ больше по лѣсамъ мы ѣздить не будемъ!
Гей, гей, живо не робѣй!
Мы ѣздить не будемъ!

Ст. Нижнеозерная, 1902 г, ветер. фельдшеръ Георгій Киселевъ; записана также въ 1902 году во 2-омъ отдѣлѣ подъесауломъ Л. Г. Чернявскимъ.

Б 2. За Ураломъ, братцы, за рѣкой, казаки гу-
ляютъ
И стрѣлою каленой за рѣку пущаютъ.
Гей, гей, гей, живо не робѣй!
За рѣку пущаютъ.
Казаки не простаки, вольные ребята,
Все на шапкахъ тумаки, всѣ живутъ богато.

Гей, гей, гей, живо не робѣй?
Всѣ живутъ богато.
Они ночи мало спятъ, въ полѣ разъѣзжаютъ:
Все добычу стерегутъ, свищутъ, не зѣваютъ.
Гей, гей, гей, живо не робѣй!
Свищутъ, не зѣваютъ.
Нашъ товарищъ—острый ножъ, шашка лихо-
дѣйка,
Пропадемъ мы не за грошъ,—жизнь наша ко-
пейка!
Гей, гей, гей, живо не робѣй!
Жизнь наша копейка!
Вотъ сибирскіе купцы ѣдутъ съ соболями;
Вотъ московскіе купцы ѣдутъ со деньгами.
Гей, гей, гей, живо не робѣй!
Ѣдутъ со деньгами.
Мы добычу отобьемъ, славно попируемъ;
Все поровну подѣлимъ, все горе забудемъ!
Гей, гей, гей, живо не робѣй!
Все горе забудемъ!

Ст. Оренбургская, 1899 г., урядникъ Никита Николаевъ; ст. Міасская, 1902 г, урядникъ Михаилъ Соколовъ (сообщилъ сотникъ Д. Е. Пичугинъ); ст. Гирьяльская, 1902 г., нестр. старш. разр. (писарь) Иванъ Вишняковъ; ст. Оренбургская, 1903 г., сотникъ Г. Н. Качалинъ.

Дума удалога молодца передъ царскимъ допросомъ.

Далеченько, далеченько, того было по-
дальше,
При долинушкѣ, при широкомъ раздольицѣ
Стоялъ сыръ матерый дубъ;
При немъ стоялъ полотнянъ шатеръ.
Какъ во шатрикѣ разосланъ сѣрый войлочекъ,

На войлочкѣ лежалъ добрый молодецъ,
Не убитъ-то лежалъ—весь израненный;
Въ головахъ-то его лежала сѣдельная подушечка,
У сыра дуба стоялъ его сивый добрый конь.
Полежавши, возговорилъ добрый молодецъ:
«Не шуми ты, мать—зеленая дубравушка!
Не мѣшай ты мнѣ, доброму молодцу, думу думати:
Какъ заутра мнѣ, доброму молодцу, во допросѣ быть
Передъ строгіимъ судьей—передъ самимъ Царемъ».
Сталъ его Царь выспрашивати:
«Кто у тебя, у молодца, атаманомъ былъ?»
—„У меня атаманомъ былъ сивый добрый конь“.
—«А кто у тебя есауломъ слылъ?»
—„У меня, у молодца, есауломъ слылъ кленовый лукъ“.
—«А кто у тебя, у молодца, былъ скорой посолъ?»
—„Скорой посолъ у меня былъ свинцова пуля“.

Записана войск. старш. Н. К. Бухаринымъ въ ст. Нижнеозерной отъ Ев. Ал. Донскова.

гра и атья бой- ики. **А** 1.

Какъ подъ городомъ подъ Кіевомъ
Тамъ жила вдова пребогатая;
Какъ у этой вдовы было девять сыновъ,
Было девять сыновъ, дочь десятая,
Дочь десятая разбезсчастная:
Какъ ее ли братья возненавидѣли,
Возненавидѣли, замужъ выдали,

Самъ разбойничекъ сидѣлъ.
Какъ на встрѣчу разбойничку
Ѣхалъ шуринъ молодой.
«Свороти, шуринъ, съ дорожки:
Я проѣду молодецъ;
Не своротишь ты съ дорожки,
Снесу голову я съ плечъ!»
Вынулъ шашку, вынулъ востру,
Снесъ онъ голову съ него.
Еще снялъ съ него рубашку—
Коленкорову съ него.
Завернулъ эту рубашку
Во батистовый платокъ.
Подъѣзжаетъ разбойничекъ
Ко широкому двору;
Стучитъ, бренчитъ разбойничекъ,
Стучитъ тростью въ ворота.
«Отворяй, жена, ворота:
Я проѣду поскорѣй.
Я привезъ, жена, подарокъ,
Не развертывай при мнѣ.»
Нестерпѣла жена, развязала...
Полились слезы изъ глазъ.
«Ужъ ты, с..... с..., разбойникъ,
Зачѣмъ шурина убилъ?
Моего шитья рубашка,
Вышивала ему я».

Ст. Пречистенская, 1904 г., урядникъ Григорій Өедоровъ.

———✳———

Разбойники хозяйничають въ чужомъ домѣ.

А. 1. Собирайтеся, ребятушки, вы усикъ наголо! (Больше!)

Припѣвъ: Ай да усы, усы, усы, усы, усы, развалистые усы!

Собиралося насъ усовъ—полна хата молодцовъ. (Много!)

Припѣвъ.

На насъ красныя рубашки, косые ворота. (Славно!)

Припѣвъ.

Напереди сидитъ усище самъ—атаманище. (Страшный!)

Припѣвъ.

Онъ приказанья отдаетъ, всѣ-то выслушиваютъ. (Молча!)

Припѣвъ.

Вы лѣсомъ, молодцы, идите да не шумаркайте! (Тише!)

Припѣвъ.

Скорѣй во дворикъ вы входите да выстраивайтесь! (Живо!)

Припѣвъ.

Слышь, хозяинъ, ты, нашъ хозяинъ, поворачивайся! (Дома!)

Припѣвъ.

Клади-ка денежки на столикъ да расплачивайся! (Нужно!)

Припѣвъ.

Самъ хозяинъ намъ тутъ божился: ни копейки денегъ нѣтъ! (Ври!)

Припѣвъ.

На печи сидѣлъ мальчишка, онъ вдругъ промолвился: (Неладно!)

Припѣвъ.

„У хозяина денегъ много, да всѣ припрятаны“. (Ищи!)

Припѣвъ.

Мы въ подпольице входили, много денегъ тамъ
нашли. (Много!)

Припѣвъ.

Ты, хозяинъ ли нашъ, батька, подавай-ка намъ
вина! (Выпьемъ!)

Припѣвъ.

За виномъ хозяинъ самъ идетъ, намъ дубину
несетъ. (Маршъ!)

Припѣвъ.

Ст. Нижнеозерная, 1902 г., казакъ Н. Стрижевъ.

А 2. Собиралися ребята все усъ наголо. (Живо!)

Припѣвъ: Ай усы, ай усы, разбористые усы!

Вы беритесь за заборъ и мчитесь всѣ на дворъ.
(Живо!)

Припѣвъ.

Набралась изба усовъ, все такихъ же молод-
цовъ. (Много!)

Припѣвъ.

На нихъ черныя папахи и пошиты всѣмъ паль-
ты. (Славно!)

Припѣвъ.

За столомъ сидитъ усище - атаманище. (Страш-
ный!)

Припѣвъ.

Ничего не говоритъ, только усомъ шевелитъ.
(Молча!)

Припѣвъ.

Шевелись-ка, братъ—хозяинъ, поварачивайся!
(Дома!).

Припѣвъ.

Клади денежки на столъ да расплачивайся. (Живо!)

Припѣвъ.

Какъ хозяинъ тутъ божился: ни копейки денегъ нѣтъ. (Ври!)

Припѣвъ.

А на печкѣ лежитъ мальчикъ, онъ промолвился: (Неладно!)

Припѣвъ.

„У насъ деньги въ кладовкѣ и зарыты во мукѣ". (Правда!)

Припѣвъ.

Старушеночка трясется, она съ маслицемъ несется. (Въ кассу!)

Припѣвъ.

Мы давайте-ка закусимъ (Лей больше), хлѣба соли мы пропустимъ. (Можно!)

Припѣвъ.

Записана войск. старш. Н. К. Бухаринымъ отъ Федота Антоновича Мельникова.

Разбойники хоронятъ товарища, раненаго въ бою.

Среди лѣсовъ дремучихъ
Разбойнички идутъ,
Въ своихъ рукахъ могучихъ
Товарища несутъ.
Носилки не простыя,
Изъ ружей сложены,
А поперекъ стальные
Мечи положены.
На нихъ лежитъ сраженный

Разбойникъ молодой;
Онъ весь окровавленный,
Съ разбитой головой.
Изъ ранъ-то кровь сочилась
По бровямъ и вискамъ;
Ремни его кольчужны
Кругомъ обрублены.
Два длинныхъ пистолета
За поясомъ торчатъ,
Два острые кинжала
Въ груди его блестятъ.
«Давайте поскорѣе
На мѣсто понесемъ
И выроемъ могилу
Мы брату своему».
Мы вырыли, спустили;
Сказали: «Братъ, прощай!
Прощай, прощай, товарищъ,
Разбойникъ молодой!
Намъ некогда, разбойникъ,
Бесѣдовать съ тобой!»
А сами поскорѣе—
Опять въ кровавый бой.

Ст. Міасская, 1902 г., урядникъ Михаилъ Соколовъ; сообщилъ сотникъ Д. Е. Пичугинъ Ст. Сакмарская, 1903 г., казакъ Савелій Выровщиковъ.

Узникъ въ темницѣ. А.

Какъ на крутенькомъ то было на славномъ бережочкѣ,
На желтомъ мелкомъ песочкѣ;
Тамъ состроена была злодѣюшка, была темная темница.

Какъ во этой-то темной темницѣ семеро сидѣло.
Какъ одинъ-то изъ нихъ, удалой молодецъ, по темной темницѣ ходитъ,
Ходитъ онъ, гуляетъ, русыя кудерюшки свои убираетъ;
Ужъ онъ чешетъ-то свои русыя кудерюшки рыбьимъ бѣлымъ гребешкомъ,
Очесочки кладетъ въ лѣвую рученьку;
Какъ по имени-то его зовутъ сыночекъ Василій,
А по прозванію-то сынокъ Ремизовскій.
Какъ во этой-то темницѣ былъ протесочекъ;
Во этотъ протесочекъ онъ пускалъ кудерюшки, пускалъ приговаривалъ:
«Вы подуйте-ка, батюшки буйны вѣтры, со горъ со высокіихъ,
Занесите русыя кудерюшки мои къ отцу на подворье:
Какъ отецъ-то плачетъ, какъ сильные ключи текутъ;
Какъ мать-то плачетъ, какъ ровно рѣка льется.»

Ст. Разсыпная, 1903., казакъ Михаилъ Сѣнякинъ 55 лѣтъ.

Б. Ты воспой-ка, воспой, соловеюшка,
На крутой на горѣ, на проталинкѣ.
Ты воспой, возвесели меня, молодца,
За дверьми ты меня за дубовыми,
За рѣшеточкой меня за желѣзною.
Я не годъ, мальчикъ, сижу и да не два года,

Я сижу, мальчикъ, ровно тридцать лѣтъ,
За бездѣлицу мальчикъ сижу—за красну дѣвицу,
За ея ретиву косу, за ленту алую.

Ст. Долгодеревенская, поселокъ Прохоровскій, приказный (развѣдчикъ) С. И. Полкорытовъ; сообщилъ подъесаулъ Н. С. Головинъ.

В.

Аленькій цвѣточекъ
    На вѣточкѣ споохлъ—
Любилъ парень дѣвку,
    Любить онъ пересталъ,
Любить онъ пересталъ,
    Въ острогъ мальчикъ попалъ.
Какъ въ той тюрьмѣ несчастной
    Разбойничекъ сидѣлъ;
Ждалъ онъ себѣ смерти
    Отъ грозныхъ палачей.
Вдругъ двери растворились—
    Палачъ къ нему взошелъ.....
Вотъ шашечка блеснула
    Въ рукахъ у палача;
Мальчишка испугался,
    Со страху задрожалъ.
«Сѣките вы, рубите,
    Не плачьте обо мнѣ:
Былъ я въ полѣ воинъ,
    Всѣхъ рѣзалъ и рубилъ,
Ни коннымъ, ни пѣшимъ
    Проходу не давалъ;
На лютыхъ на звѣрей
    Напрасно нападалъ;

Размелкіихъ я пташечекъ
Съ-налету побивалъ:
Красавецъ, дѣвченокъ,
Съ-наскоку цѣловалъ.»

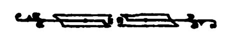
Ст. Гирьяльская, 1900 г., урядникъ Яковъ Косогорсковъ; ст. Оренбургская, Бердскій поселокъ, 1903 г., казачка Анастасія Михайловна Бѣлякова.

Г.

Ужъ ты, садъ ли мой, садъ,
Садъ, зеленый виноградъ!
Отчего, садикъ, повялъ?
Въ саду молодецъ гулялъ,
Ворона коня искалъ.
«Ужъ ты, конь ли мой, конь,
Развороный доброй мой!
Выручай-ка ты меня
Какъ изъ той-то бѣды—
Бѣлокаменной тюрьмы.»
Идетъ солнце на востокъ,
Ведутъ милаго на сходъ;
Напередъ палачъ съ плетьми,
Позади жена съ дѣтьми.
«Ужъ ты, женушка, жена,
Жена, барыня моя!
Выручай-ка ты меня:
Подари-ка палача.»
—«Подарила бъ палача,
Нѣту денегъ ни гроша.»
—«Ты сыми-ка, сыми
Съ руки золотъ перстенекъ,
Передай чрезъ весь народъ.»

Идетъ солнце на закатъ,
Ведутъ милаго назадъ.
—«Благодарю тебя, жена,
Что ты выручила меня,
Подарила палача.»

Ст. Новоорская, 1900 г., трубачъ Николай Михайльченковъ; ст. Разсыпная, 1903 г., нестр. старш. разр. (писарь) Гавріилъ Гурѣевъ.

Воръ-бродяга проѣздомъ въ родномъ селѣ.

По пути села родного колокольчикъ прозвенѣлъ,—
Тутъ промчался воръ-бродяга, бездомовый человѣкъ.
Ты куда, куда, бродяга, ты куда скоро спѣшишь?
Тебя братъ родной не встрѣтитъ и за ручку не возьметъ,
Твоя маменька родная подъ вѣнцомъ съ другимъ стоитъ,
А хозяйка молодая во сырой землѣ лежитъ.
Всю дороженьку мальчикъ проѣхалъ, не видалъ онъ никого;
Подъѣхалъ ко лѣсочку, его солнышкомъ пригрѣло,
Его солнышкомъ пригрѣло и преспокойно ночку спалъ.

Ст. Сакмарская, 1903 г., нестр. старш. разр. (оружейникъ) Лаврентій Брынцевъ.

ОТДѢЛЪ III.

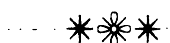
ПѢСНИ БЫЛЕВЫЯ

БЕЗЫМЯННЫЯ.

Смерть Царя.

А 1. Какъ у насъ-то на Святой Руси, во каменной Москвѣ,
Тутъ ударили въ большой колоколъ,
Чтобы слышно было по всей арміи, конной гвардіи.
Молодой-то казакъ на часахъ стоялъ себѣ смѣны ждалъ,
Себѣ смѣнушки, перемѣнушки.
Говорилъ-то онъ: «Ты возмой-ка туча черная!
Ты пролей-ка, сильный дождичекъ!
Ты размой-ка, размой гробову доску!
Ужъ ты встань-ка, проснись, православный нашъ Бѣлый Царь!
Передъ тобой-то стоитъ сила армія, конно-гвардія,
Замореныя, трое суточекъ некормленыя,
Всю недѣлюшку непоеныя.»

Ст. Оренбургская, 1903 г., казачка Лилія Барбусова.

А 2. Какъ на матушкѣ на Святой Руси,
Въ Петербургѣ—славномъ городѣ,
У дворца было Государева,

У крылечушка параднаго,
Молодой казакъ на часахъ стоялъ,
Призадумался, пригорюнился,
Слезно всплакался.
Во слезахъ казакъ слово вымолвилъ,
Слово ласково, всѣмъ привѣтное:
«Вы подуйте же съ горъ, вѣтры буйные,
Разнесите вы снѣга бѣлые;
Раступися же мать сыра земля;
Раступися же, бѣлъ-горючъ камень;
Расколися же, гробова доска:
Раздерися же, золота парча;
Распахнись же, бѣлъ тонокъ саванъ;
Ужъ ты встань-возстань, православный Царь!
Погляди на свою армію:
Всѣ казаченьки во строю стоятъ, по ружью держатъ;
Всѣ полковнички—по своимъ полкамъ;
Подполковнички по своимъ мѣстамъ;
А майорики—на добрыхъ коняхъ;
А хорунжіе—подъ знаменами.
Они ждутъ-поджидаютъ Царя Бѣлаго,
Не возстанетъ ли православный Царь,
Не поглядитъ ли на свою армію.»

Ст. Нижнеозерная, 1902 г., ветер. фельдшеръ Георгій Киселевъ.

Первоначальное возникновеніе казачества. Сходцы: гулебщики, бѣглые и прочіе.

А 1.

Не былиночка въ полѣ зашаталася—
Молодецкая буйная головушка въ полѣ загулялася
Въ одной тоненькой миткалевой рубашеночкѣ,
Въ одномъ тоненькомъ кармазиновомъ кафтанчикѣ;

У рубашечки рукавчики бѣлы засучены,
У кафтанчика полы были заткнуты:
Алой кровью бусурманской были забрызганы.
Поднималася навстрѣчу добру молодцу съ горъ
погодушка,
Навстрѣчу добру молодцу вьюга сильная не-
утишимая:
Не видать-то ему было свѣта вольнаго,
Не слыхать-то было ему звона колокольнаго.

Ст. Оренбургская, 1903 г., казачка Анна Бѣлякова 18 лѣтъ.

А 2. Далеченько, да и того было подальше,
Тамъ ходилъ-то, гулялъ охотничекъ, гулебши-
чекъ,
Легкую турочку *) на себѣ носилъ.
Хорошо его была турочка изукрашена:
Она золотомъ была изувивана,
Она серебромъ была изусѣчена,
Чистымъ жемчугомъ изунизана.
Изъ-за горъ-то, горъ высокіихъ,
Выходила олень бѣлая.
Тамъ увидѣлъ же младъ охотничекъ
Олень бѣлую златорогую.
Ни одна-то она шла, со дѣтятами,
Съ молодыми оленятами.
И хотѣлъ убить охотничекъ олень бѣлую,
Пожалѣлъ-то ее дѣтушекъ, оленятушекъ.

---

*) Турка—турецкое ружье.

Вышелъ же охотничекъ на Барсуатъ-рѣку,
И убивалъ-то онъ утку сѣрую.

Записана войск. старш. Н. К. Бухаринымъ въ ст. Нижнеозерной въ 1888 году.

А 3. Изъ-за лѣса было, лѣса темнаго,
Изъ-за горъ было, горъ высокiихъ,
Выбѣгала-то тамъ олень бѣлая,
Олень бѣлая, златорогая,
Златорогая, златобокая.
Какъ за ней-то бѣжитъ младъ охотничекъ,
Младъ охотничекъ, младъ гулебшичекъ,
За плечами-то несетъ легкую турочку,
Турочку, винтовочку.
Хорошимъ-хорошо эта турочка была изукрашена,
Златомъ-серебромъ была изусѣчена,
Мелкимъ жемчугомъ была изунизана.
Скидавалъ, скидавалъ младъ охотничекъ съ себя легкую турочку,
Онъ прицѣлился въ олень бѣлую.
Какъ возговорила олень бѣлая младому охотничку:
«Ты постой-ка, младъ охотничекъ,
Не бей олень бѣлую,
Не сироти-ка моихъ малыхъ дѣтушекъ, оленяточекъ,
Какъ ты видишь, младъ охотничекъ,
Они младымъ-младехоньки:
Не губи ихъ, младъ охотничекъ,
Не могутъ они сами себя поить-кормить.»

Ст. Разсыпная, 1904 г., казакъ Петръ Ломакинъ 62 лѣтъ.

А 4. Какъ во полѣ-то было, полечкѣ,
Во широкомъ во раздольицѣ,
Тутъ ходилъ-то гулялъ младъ охотничекъ,
За плечами-то носилъ охотничекъ легку турочку,
Легку турочку, винтовочку.
Хорошо турочка-винтовочка изукрашена:
Чистымъ жемчугомъ изунизана,
Златомъ-серебромъ изусѣчена.
Онъ ходилъ-то, гулялъ по край синя моречка,
Онъ искалъ-то, искалъ оленя златогриваго;
Онъ нашелъ-то, нашелъ оленя златорогаго,
Златорогаго, златогриваго....

Ст. Оренбургская, 1904 г., урядникъ Савва Перовъ.

Б 1. Не шуми-ка ты, дубравушка зеленая,—
Не брани ты меня, матушка, мать родная:
Бранить будешь меня матушка,—
Съ двора сбудешь меня, матушка;
Съ двора сбудешь меня, матушка, не воротишь,
А воротишь меня, матушка, ненадолго...

(«Казачій Вѣстникъ» 1886 года № 21).

Б 2. Не шуми-ка, мать-дубравушка зеленая,
Не жури-ка меня, матушка, мать родная:
Журить, бранить меня матушка, будешь,—

Скоро съ рукъ меня, матушка, сбудешь;
Скоро съ рукъ сбудешь, назадъ не воротишь,
Хоть воротишь назадъ, ненадолго,—
На одинъ только кругленькій годочекъ....

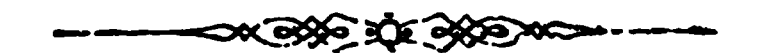
Ст. Разсыпная, 1904 г., казакъ Петръ Ломакинъ 62 лѣтъ.

В. Сирота ли ты, сироточка,
Сирота—солдатскій сынъ:
Нѣтъ у тебя ни роду, нѣтъ ни племени,
Ни кола, ни двора, ни мила живота.

Записана войск. старш. Н. К. Бухаринымъ въ ст. Нижнеозерной въ 1890 году.

Г. Ты, взойди-ка, взойди, солнце красное!
Обогрѣй ты насъ, добрыхъ молодцовъ,
Добрыхъ молодцовъ—людей бѣдныихъ,
Солдатъ бѣглыихъ, безпачпортныихъ.

Записана войск. старш. Н. К. Бухаринымъ въ ст. Татищевской въ 1890 году отъ Якова Андреевича Чернова 85 лѣтъ.

Д. Шелъ дѣтинушка путемъ-дороженькой,
Пристигла его ночка темная да разосенняя
Во сыромъ-то бору подъ сосною,
Подъ сосенкою да подъ зеленою,
Какъ подъ грушицею—подъ хорошею,
Подъ рябинушкою—подъ кудрявою.
Припаду я ко землѣ, ко землѣ, послушаю,
Что не стонетъ ли мать-сыра земля—
Что не плачетъ ли отецъ-мать обо мнѣ?

—

„Тужатъ, плачутъ они и рыдаютъ,
Сына въ гости они дожидаются.“

Ст. Кособродская, 1903 г., записалъ сотникъ Д. Е. Пичугинъ.

Е. Скажи ты, лебедушка, скажи гдѣ была?
—„Я была, лебедушка, на синемъ морѣ!“
Скажи ты, лебедушка, что ты видѣла?
—„Видѣла я, лебедушка, сильны волны бьютъ,
Въ этихъ во волночкахъ корабликъ плыветъ,
За этимъ корабликомъ легка лодочка плыветъ,
Легка лодочка плыветъ тихой заводью“....

Ст. Оренбургская, 1904 г., урядникъ Савва Перовъ.

Атамануш-ка. **А** 1.

Ой да какъ со вечера нашъ атаманушка
Поздно спать ложился.
По утру-то рано нашъ атаманушка
Рано пробуждался;
Онъ со травоньки да онъ со муравоньки,
Со муравоньки росой умывался,
Тонкимъ бѣлымъ полотенчикомъ
Сухо утирался;
Онъ московскому Чудотворцу
Богу молился,
Какъ на всѣ-то четыре сторонушки
Низко поклонился:
«Вы здорово ль, братцы-казаченьки,
Спали-ночевали?
Какъ одинъ-то я изъ васъ, добрый молодецъ,
Нездорово спалъ;
Не спалось мнѣ, добру молодцу,
Сколько во снѣ видѣлось:
Будто бы я, добрый молодецъ,
По край синя моречка ходилъ,
Будто бы я лѣвой ноженькой
Въ моречко обступился,
А правой рученькой за кустъ,
За ракитничекъ, ухватился».

Ст. Гирьяльская, 1899 года, урядникъ Яковъ Косогорсковъ; ст. Нижнеозерная, 1902 г., казакъ Нилъ Соколовъ; ст. Міасская, 1902 г., урядникъ Михаилъ Соколовъ (записалъ сотникъ Д. Е Пичугинъ).

А 2.

Какъ со вечера нашъ атаманушка
Поздно спать ложился.
По утру-то рано нашъ атаманушка
Рано пробуждался;

Онъ со травоньки, со муравоньки
Росой умывался,
Тонкимъ бѣлымъ полотенчикомъ
Сухо вытирался;
Онъ московскому Чудотворчику
Богу помолился;
Онъ на всѣ-то на четыре на сторонушки
Низко поклонился;
На добра-то коня нашъ атаманушка
Онъ скоро садился;
Къ своему-то полку нашъ атаманушка
Скоро подъявился.
«Вы здорово ль, мои братцы-казаченьки,
Спали-ночевали?
Какъ я-то одинъ, добрый молодецъ, спалъ
И нездоровъ всталъ.
Я ходилъ-то гулялъ, добрый молодецъ,
По край синя моря;
Какъ и я-то, добрый молодецъ,
Въ сине море оступился,
Оступился въ сине море я,
За калиновъ кустъ схватился»....

(Мякушинъ стр. 253).

А 3. Какъ со вечера нашъ атаманушка
Поздно спать ложился.
Какъ по утречку нашъ атаманушка
Рано пробуждался,
Какъ со травоньки да со муравоньки
Росой умывался,

Тонкимъ бѣленькимъ да полотенчикомъ
Сухо утирался;
Онъ московскому Чудотворцу
Онъ Богу молился
И на всѣ четыре стороны
Низко поклонился:
«Вы здорово ль, братцы-казаченьки,
Спали-ночевали?
Какъ одинъ-то я, добрый молодецъ,
Спалъ я нездорово:
Все ходилъ да гулялъ я, добрый молодецъ,
По край синя моря,
Какъ въ синее моречко лѣвой ноженькой
Въ море оступился,
Правой рученькой за кустъ
Ухватился,
Что за тотъ ли кустъ,
За крушину,
За кустъ, за крушину,
За саму вершину.
Ты, крушинушка моя,
Крушина,
Не ты ли молодца
Сушила, крушила?
Что сушитъ-то, крушитъ
Добра молодца
Чужая сторонушка,
Молодая женушка».

Ст. Оренбургская, 1902 г., сотникъ Г. Н. Качалинъ.

Молодцу снится недобрый сонъ. **А** 1.

Ужь ты, солнышко мое красное!
Ты зачѣмъ рано закатаешься,
Иль во вѣкъ намъ не покажешься?

Вы, друзья ли, братцы мои, товарищи,
Неразлучные мои пріятели!
Мнѣ вечеръ-то, ночесь, прошедшую ночь,
Мнѣ малость спалось, много видѣлось во снѣ.
Мнѣ привидѣлся некорыстный сонъ:
Не убитый лежу я, крѣпко раненый,
Вострой шашечкой я весь изрубленный;
За горой-то я лежу будто за высокою,
И да загороженный я лѣсомъ темнымъ,
Окруженный-то лежу я звѣрями лютыми;
Сквозь костей-то моихъ, ребрышковъ,
Проростала тутъ трава муровая,
Какъ на травкѣ цвѣты алые расцвѣли,
А сквозь-то буйную головушку ракитовъ кустъ
проросъ.
На кусту-то сидитъ младъ соловушекъ,
Хорошо-то онъ поетъ, принасвистываетъ,
Чистехонько какъ онъ выговариваетъ:
„Ужъ ты встань-ка, проснись,
Ты проснись-ка, братецъ мой!
Не одна мать насъ съ тобой воспородила,
Породивши она насъ, сама померла".

Записана отставнымъ генералъ-майоромъ А. И. Суровымъ.

А 2. Ой да вы, туманы ли мои, туманы,
Часты мелкіе дожди!
Поднимались вы, туманы,
Во глухую во полночь.
Ой да мнѣ сегодняшнюю ночь, раздоброму
молодцу,
Мнѣ малешенько спалось,—

Мнѣ привидѣлся, добру молодцу,
Сонъ не веселъ, не хорошъ:
Будто я-то, молодецъ, ой раздобрый молодецъ,
Призаброшеный лежу;
Рѣзвы ноженьки вдоль дороженьки пораскинуты,
Бѣлы рученьки на бѣлой поразложены;
Между пальчиковъ, межъ суставчиковъ
Ковыль-трава проросла;
На русыхъ моихъ кудряхъ, у меня добра молодца,
Ремезейка гнѣздышко свила.
Ой да ты не вей-ка, ты не вей-ка мой ремезеюшка,
Гнѣздо на русыхъ моихъ кудряхъ,
А ты свей-ка, свей-ка, ремезеюшка,
Гнѣздо на ракитовомъ кусту.

Записана подъесауломъ М. Т. Лобановымъ отъ урядника Котельникова.

А 3.

Вы, туманы ли, туманьчики,
Часты мелкіе дожди.
Выпадали вы, туманьчики,
Во глухую во полночь.
Мнѣ нынѣшнюю темную ноченьку
Мнѣ малешенько спалось,
Мнѣ малымъ мало, доброму молодцу, спалось,
Во снѣ много видѣлось:
Я ходилъ будто, гулялъ, добрый молодецъ,
По саратовской степи;

Я лежалъ будто убитъ, добрый молодецъ,
Бѣлой грудью на землѣ;
Между перстиковъ, суставчиковъ
Ковыль-травка проросла,
Ко моему ретиву сердцу
Лютая змѣя приползла;
Во моихъ русыхъ кудряхъ
Ремезъ гнѣздышко свивалъ.
Ты не вей-ка, ремезеюшка,
Во русыхъ кудряхъ гнѣздо,
Совей-ка, ремезеюшка,
На ракитовомъ кустѣ.

Ст. Звѣриноголовская, нестр. стар. разр. Иванъ Матвѣевъ, записана сотникомъ Д. Е. Пичугинымъ.

А 4. Туманушки мои, туманушки
Разосенніе туманушки мои!
Не споднятся-ли вамъ, туманушки,
Со синя моря долой?
Не пора ли отстать печаль-кручинушкѣ
Отъ ретивого сердца моего?
Ужъ вы, братцы ль мои, вы товарищи,
Спалась ли вамъ ноченька крѣпкимъ снομъ?
Мнѣ мало спалось, добру молодцу,
Много во снѣ видѣлось:
Будто я-то лежу, добрый молодецъ,
Среди матушки дикой степи, въ азіатской сторонѣ;
Сквозь костей-то моихъ, моихъ ребрышковъ,
Шелковая травонька проросла,

Сквозь ретивое сердечко
    Лазоревый цвѣтокъ расцвѣлъ,
Сквозь буйную-то головушку
    Ракитовый кустъ проросъ,
Изъ-подъ этого изъ-подъ куста
    Слезова рѣка пошла.

Ст. Нижнеозерная, Чесноковскій поселокъ, 1902 г., казакъ И. И. Аляпсковъ 65 лѣтъ.

Конь казака чуетъ бѣду.

А 1.

Какъ у ключика было у текучаго,
У колодезя было у глубокаго,
У лужочка было у зеленаго,
Подъ грушицею было подъ кудрявою;
Тамъ донской казакъ спочивъ имѣлъ,
Онъ спочивъ-то имѣлъ, своего добра коня поилъ, кормилъ,
Онъ поилъ-то, кормилъ конечка, выглаживалъ,
Онъ выглаживалъ конечка, выспрашивалъ:
„Что же ты, конечекъ, не весело стоишь,
Не веселъ стоишь, не радошный,—
Ты повѣсилъ свою буйную головушку на правую сторонушку;
Аль ты чуешь, конечекъ, подъ собой невзгодушку?"
—«Мнѣ, конечку, быть подстрѣлену,
А тебѣ, хозяинъ, быть убитому».

Ст. Разсыпная, 1903 г., казакъ Ефимъ Пимоновъ и казакъ М. Гурѣевъ.

А 2.

Какъ у ключика было у текучаго,
У колодца то было у студенаго;
Молодой казакъ-душечка спочивъ имѣлъ,
Онъ спочивъ имѣлъ,—онъ коня кормилъ,
Онъ кормилъ-то, поилъ, все выглаживалъ:
„Ужъ ты, конь-ли мой, конечекъ вороненькій,
Что не ѣшь-то ты, мой конь, шелковой травы?
Не пьешь ты, мой конь, ключевой воды?
И не ѣшь-то, не пьешь, не веселъ стоишь:
Ты повѣсилъ, мой конь, свою буйну головушку.
Илъ ты чуешь, мой конь, надъ собой невзго-
душку,
Ты невзгодушку чуешь, несчастье великое?
Тяжела ли тебѣ моя сбруя ратная?
Или я-то на тебѣ, хозяинъ, тяжело сижу?"
—«Ты, хозяинъ, ты, мой, ты, хозяинушка,
Ничего ты не знаешь, ничего не вѣдаешь:
Не тяжела мнѣ твоя сбруя ратная,
Да самъ-то ты, хозяинъ, не тяжело сидишь;
Какъ тебѣ-то, хозяину, быть убитому,
Какъ а мнѣ-то, твоему конечку, быть подстрѣ-
леному.»

Записана подъесауломъ М. Т. Лобановымъ.

Смерть добраго молодца во чистомъ полѣ.

А.

Ты звѣзда ли, моя звѣздочка,
Гдѣ ты, моя звѣздочка, восходила?
Во дикой степи во диковинку.
Супротивъ этой звѣздочки огонекъ горитъ,
Подлѣ этого огонька постланъ войлочекъ;
На войлочкѣ лежитъ добрый молодецъ,

Не убитъ онъ, не застрѣленный, крѣпко раненый,
Вострой шашечкой изрубленный.
Кроватушка—мать сыра земля,
А постелюшка—бѣлъ ковыль-трава;
Какъ по правый бокъ—сбруя ратная,
По лѣвый—шашка вострая;
Во рѣзвыхъ-то ногахъ—сивый рѣзвый конь;
Бьегъ конечекъ копытечкомъ мать-сыру землю,
Пробуждаетъ хозяина отъ сна крѣпкаго:
„Всѣ наши товарищи домой пошли;
Намъ съ тобой, хозяинъ, здѣсь не годъ годовать,
Намъ съ тобой, хозяинъ, здѣсь вѣкъ вѣковать"....

Ст. Нижнеозерная, 1901 г., казачка Прасковья Бѣлошеева 56 лѣтъ и урядникъ Иванъ Ефимовичъ Стрижевъ 61 года.

Б 1.

Ты, долина моя, доль-долинушка,
Ничего ты, долинка, не спородила;
Спородила долинка сыръ-высокій дубъ.
На дубу-то сидитъ вольна пташечка,
Вольна пташечка—царь сизой орелъ.
Во когтяхъ-то держитъ чернаго ворона,
Чернаго ворона—яснаго сокола.
Онъ бить-то не бьетъ, все страсть даетъ,
Все страсть-то даетъ да все выспрашиваетъ:
„Гдѣ леталъ ты, соколикъ? гдѣ сполетывалъ?"
—«Я леталъ лишь, соколикъ, во дикой степи.
Ужъ я видѣлъ тамъ чудо, чудо дивное,
Чудо дивное—тѣло бѣлое,

Тѣло бѣлое человѣчее.
Что никто же къ тому тѣлу не приступится;
Прилетали къ тѣлу три ласточки,
Три ласточки, три косатыя:
Перва ласточка—родна мамонька,
Вторая ласточка—родна сестрица,
А третья ласточка—молодая жена».

Ст. Звѣриноголовская, 1902 г., нестр. стар. разр. Иванъ Матвѣевъ; записалъ сотникъ Д. Е. Пичугинъ.

———*———

Б 2.

Ты, доль, наша, доль-долинушка,
Ты, раздольице—поле чистое!
Ничего ты, долинка, не породила:
Нѣтъ ни травоньки, нѣтъ не муравоньки,
Ни алыхъ цвѣтовъ, да нѣтъ лазоревыхъ;
Породила долинка сыръ ракитовъ кустъ.
На кусту-то сидитъ вольна пташечка,
Вольна пташечка—старъ сизой орелъ;
Во когтяхъ-то держитъ малу пташечку,
Малу пташечку, онъ соловушку;
Онъ бить-то не бьетъ, только страсть даетъ.—
Какъ подъ кустикомъ ли, подъ ракитовымъ,
Что лежитъ-убитъ добрый молодецъ.
Ужъ какъ не ласточки, не касаточки
Вкругъ тепла гнѣзда увиваются,—
Три лебедушки тутъ сокрушаются:
Увивается родна матушка,
Ужъ она плачетъ-то какъ рѣка льется,
А сестра плачетъ, какъ ручей течетъ,

Молодая жена—что роса падетъ;
Взойдетъ солнышко—росу высушитъ.

Ст. Кундравинская, 1902 г., трубачъ Василій Комлевъ; записалъ сотникъ Д. Е. Пичугинъ.

—————*—————

В.

Пыль съ полей запылилася,
И туманушки съ моря поднялися—
Поднималися гуси-лебеди;
Не сами они собой поднималися,
Сизаго орлика напугалися.
Какъ навстрѣчу имъ летитъ
Младъ сизой орелъ.
Онъ летитъ-то шибко-нашибко,
Онъ кричитъ-то громко-нагромко.
Гуси-лебеди стали выспрашивать его:
«Куда ты, орлюшка леталъ?»
—„Я леталъ-то по дикой степи.“
— «Что ты тамъ видалъ?»
—„Я видѣлъ-то, видалъ диво дивное:
Посередь-то поля лежитъ тѣло бѣлое;
Никто къ тѣлу не приступится,
Никто къ бѣлому не притронется,
Только приступалися, прилетали три ласточки:
Отецъ съ матерью и его млада жена.“

Ст. Нижнеозерная, 1902 г., казакъ Нилъ Соколовъ.

Г1. Ужъ ты, поле мое, поле чистое,
Свѣтъ раздолье мое широкое!
Чѣмъ ты полюшко пріукрашено?
Пріукрашено все цвѣточками,
Все цвѣточками, василечками;
Посреди поля частъ ракитовъ кустъ.
Подъ кустомъ-то лежитъ тѣло бѣлое,
Тѣло бѣлое—молодой казакъ,
Не убитъ лежитъ шибко раненый.
Въ головахъ у него—бѣлъ горючъ камень,
Во рукахъ у него—сабля острая,
Во груди у него—пуля быстрая,
А у ногъ его стоитъ добрый конь.
„Ужъ ты, конь ли, мой конь,
Ты, товарищъ ли мой!
Ты ступай-ка, бѣги во русскую землю.
Ты скажи-ка, скажи родному батюшкѣ,
Поклонись-ка ты родной матушкѣ,
Ты скажи-ка, скажи молодой женѣ,
Какъ женилъ-то меня бѣлъ горючъ камень,
Обвѣнчала меня сабля острая,
Молодая жена—пуля лютая."

Записана въ 1902 году во 2-омъ отдѣлѣ подъесауломъ Л. Г. Чернявскимъ.

Г2. Ужъ ты, поле мое, полечко!
Ужъ ты, поле мое чистое!
Ничего ты, поле, не спородило,
Спородило только кустъ ракитовый.
Какъ на кусту сидитъ вольна пташечка,
Вольна пташечка—младъ соловушко;

А подъ кустичкомъ лежитъ тѣло бѣлое,
Тѣло бѣлое—младъ казаченька.
Не убитъ онъ лежитъ, тяжело раненый,
Вострой шашечкой онъ изрубленный;
Въ головахъ у него лежитъ сѣдлышко,
А въ ногахъ-то стоитъ его вѣрный конь.
„Ужъ ты, конь ли мой, конь развороненькій!
Оборви-ка чумбуръ расшелковенькій,
Ты бѣги-ка, бѣги по дороженькѣ вдоль,
По дороженькѣ вдоль къ отцу, къ матери.
Поклонись отъ меня родному батюшкѣ,
Родному батюшкѣ и моей матушкѣ,
Родной матушкѣ и младой женѣ,
Младой женѣ, роду-племени.“—
Отворялъ ворота родной батюшка,
А встрѣчала коня родна матушка;
Принимала коня молода жена.
Какъ принявши коня, стали спрашивать:
«Ужъ ты, конь ли, конь развороненькій!
Гдѣ хозяюшка твой размолоденькій?»
—„Хозяюшка мой за Ураломъ, за рѣкой,
За Ураломъ, за рѣкой, онъ женился на другой:
Какъ женила его шашка вострая,
Обвѣнчала его пуля быстрая,
Встрѣчала его кровь горячая,
Обнимала его мать-сыра земля.“

Ст. Гирьяльская, 1902 г., нестр. стар. разр. Иванъ Вишняковъ.

Д 1.

За Ураломъ, за рѣкой,
Тамъ казакъ гулялъ,
Не одинъ казакъ гулялъ,
Со товарищемъ.

Какъ товарищъ-то его—
Развороный добрый конь,
Оборонушка его—
Шашка вострая.
    Казакъ шашечкой махалъ,
    Огонечекъ высѣкалъ,
    Ковыль-травоньку рвалъ,
    На огонечекъ ее клалъ.
Свои раны казакъ
Перевязывалъ,
Перевязывалъ
Да и разсказывалъ:
    „Ужъ вы, раны ль мои,
    Вы тяжелыя,
    Тяжелы раны
    Ко сердцу пришли.“
Передъ смертью казакъ
Сталъ наказывать:
„Ужъ ты, конь ли, мой конь,
Развороный добрый конь!
    Обломи-ка ты, конь,
    Свой дубовый приколъ!
    Оборви-ка ты, конь,
    Свой чумбуръ шелковой!
И бѣги-ка ты, конь,
По дороженькѣ вдоль,
По дороженькѣ вдоль
Къ отцу-матери родной!“
    Отворяетъ ворота
    Родимый тятенька,
    Встрѣчаетъ коня
    Родима маменька,
Стала спрашивать коня
Молодая жена:
„Ужъ ты, конь ли, мой конь!
Гдѣ хозяинъ твой?“

—«Хозяинъ-то мой
За Ураломъ за рѣкой,
За Ураломъ за рѣкой
Онъ женился на другой;
Что жена-то его—
Шашка вострая,
А женила его
Свинцова пуля,
Обвѣнчала его
Кровь горячая,
Принимала его
Мать-сыра земля.»

Ст. Звѣриноголовская, 1902 г., казакъ Григорій Матвѣевъ; записана сотникомъ Д. Е. Пичугинымъ.

Д2.

За Ураломъ, за рѣкой,
Тамъ казакъ гулялъ,
Не одинъ казакъ гулялъ,
Со товарищемъ.
Какъ товарищъ-то его—
Развороный добрый конь,
Оборонушка его—
Шашка вострая.
Какъ изъ той шашки казакъ
Огонечекъ вырубалъ,
Ковыль травыньку рвалъ,
На огонечекъ ее клалъ.
Свои раны казакъ
Перевязывалъ,
Перевязывалъ
Да и разсказывалъ:

„Ужъ вы, раны ль мои,
Вы тяжелыя:
Тяжелы раны
Ко сердцу пришли.
Ко сердцу пришли,
Кровью изошли“.
Передъ смертію казакъ
Сталъ коню наказывать:
„Ужъ ты, конь ли мой, конь,
Развороный добрый конь!
Обломи-ка ты, конь,
Свой дубовый приколъ,
Оборви-ка, мой конь,
Свой чумбуръ шелковой,
И бѣги-ка ты, мой конь,
По дорожкѣ столбовой,
По дорожкѣ столбовой
Къ отцу—матери родной;
Ты скажи-ка, мой конь,
Тятькѣ, маменькѣ поклонъ,
А женѣ молодой,
Что женился на другой.
Оженила меня
Пуля быстрая,
Обвѣнчала меня
Шашка вострая,
Принимала меня
Мать-сыра земля.“

Ст. Оренбургская, 1900 г., урядникъ Никита Николаевъ, ст. Кардаиловская, 1901 г., бомбардиръ-лаборатористъ Романъ Тарасенковъ; ст. Оренбургская, 1902 г., сотникъ Г. Н. Качалинъ; ст. Міасская, 1902 г., урядникъ Михаилъ Соколовъ (записалъ сотникъ Д. Е. Пичугинъ).

Д3. За Кубанью, за рѣкой,
Тамъ ходилъ, гулялъ молодой казакъ;
Не одинъ-то гулялъ, со товарищемъ,
Со товарищемъ гулялъ-шашкой вострою.
Изъ вострой-то шашки огонечекъ вырубалъ,
Во чистомъ-то полѣ ковыль-травку рвалъ,
Ковыль-травку рвалъ, на огонечекъ ее клалъ.
У огонька-то сидя, свои раны перевязывалъ;
Перевязавши раны, коня на приколъ сажалъ
И себѣ приговаривалъ:
„Ужъ вы, раны мои, раны тяжелыя,
Къ ретиву-то сердцу онѣ смертныя.“
На приколѣ коню онъ приказывалъ:
„Оборви ты, конь, арканъ воровенный, *)
Изломай ты приколъ дубовенькій,
Выбѣгай ты, конь, на тихій Донъ;
Не тутъ бѣги, гдѣ вода шумитъ,
А тутъ бѣги, гдѣ травонька шелошетъ;
Разскажи ты батюшкѣ низкій поклонъ,
Моей матушкѣ—челобитьице,
Молодой-то женѣ—своя волюшка,
Малымъ дѣтушкамъ—мое благословеньице.“

Записана войск. стар. Н. К. Бухаринымъ въ ст. Нижнеозерной въ 1888 году.

Д4. За Кубанью, за рѣкой, тамъ казакъ гу-
лялъ;
Не одинъ казакъ гулялъ, со товарищемъ.
Какъ товарищъ-то его—развороный рѣзвый конь,
Оборонушка его—шашка вострая.
Изъ вострой онъ шашечки огонечекъ воскры-
валъ,

---

*) «Воровенный»—пеньковый.

Огонечекъ воскрывалъ, ковыль-травоньку рвалъ,
Ковыль-травоньку рвалъ, на огонечекъ ее клалъ;
Клалъ онъ, пораскладывалъ, свои раны казакъ
перевязывалъ, приговаривалъ:
„Ужъ вы, раны мои, раны растяжелыя мои!
Тяжелымъ вы тяжелы, — къ ретиву сердцу
пришли,
Къ ретиву сердцу пришли, алой кровью изошли.“
Передъ смертью казакъ сталъ коню наказывать:
„Ужъ ты, развороный мой конь! Оборви-ка ты
шелковъ чумбурикъ,
Оборви-ка шелковъ чумбурикъ, сломай-ка ду-
бовъ приколъ.
Ты не слушай, конь, гдѣ шумъ шумитъ,
И не гляди, гдѣ вода-то бѣжитъ,
Ты бѣги-ка конь, по дороженькѣ вдоль,
По дороженькѣ вдоль, къ намъ на тихій слав-
ный Донъ,
Къ намъ на тихій славный Донъ, гдѣ живетъ
мой батюшка родной.
Ты ударь-ка, конь, во воротечки;
Къ тебѣ выйдетъ старый стариченочекъ, родный
батюшка мой,
Тутъ еще-то выйдетъ стара старушеночка, родна
матушка моя,
Тутъ еще-то выйдетъ молодая вдова, хозяюшка
твоя,
Какъ возьметъ-то тебя за шелковъ чумбурчикъ,
Поведетъ-то тебя во конюшенку,
Какъ привяжетъ тебя ко дубовому столбу,
Ко дубовому столбу, ко серебряну кольцу;
Какъ станетъ она тебя выспрашивать:
«Ты скажи-ка мнѣ, конь, гдѣ хозяинъ твой?»
Ты скажи-ка ей, товарищъ мой,
Что хозяинъ мой за Кубанью за рѣкой,
За Кубанью за рѣкой, онъ женился на другой;
Какъ женила его—свинцова пуля,

Благословляла его—пика острая,
Какъ вѣнчала-то его—шашка вострая,
Какъ жена-то его—гробова доска,
Какъ мать-то его—сыра земля.“

Ст. Разсыпная, 1903 г., казакъ Кузьма Рябухинъ.

E1. Какъ на моречкѣ
На Хвалынскомъ
Лебедь съ орлюшкой
Тамъ купалися;
Купались они,
Возмывалися.
Лебедь орлюшку
Сталъ выспрашивать:
„Не бывалъ ли орелъ,
На моей сторонѣ?
Не слыхалъ ли, орелъ,
О моей головѣ?
Не тужатъ ли, только
Отецъ съ матерью обо мнѣ?“
«Тужатъ, плачутъ они,
Сокрушаются,
Со службы царской сына
Дожидаются.»—
За Уралушкой
Огонекъ горитъ;
У того-то огня
Былъ разставленъ шатеръ;
Какъ во этомъ во шатрѣ
Былъ разостланъ коверъ;
Какъ на этомъ на коврѣ
Молодой казакъ лежалъ;

Въ головахъ у него лежитъ
    Расчеркесское сѣдло,
А въ ногахъ стоитъ,
    Развороный добрый конь.

Ст. Гирьяльская. 1899 г., урядникъ Яковъ Косогорсковъ.

Е2.

Какъ на морѣ, морѣ синіемъ
    Орелъ съ лебедемъ купалися.
У орла лебедь сталъ выспрашивать:
    „Ужъ ты, орликъ, младъ сизой орелъ!
Гдѣ бывалъ ты, гдѣ полетывалъ?
    Не бывалъ-ли на моей сторонѣ?
Не слыхалъ ли о моей головѣ?
    Не тужатъ ли отецъ, мать обо мнѣ?—
«Тужатъ, плачутъ, сокрушаются,
    Сына въ гости дожидаются
Изъ похода, изъ дикой степи.»
    Во дикой степи огонекъ горитъ,
Огонекъ горитъ малъ-малешенекъ,
    Дымокъ валитъ бѣлъ-густешенекъ...

Записана подъесауломъ М. Т. Лобановымъ.

Е3.

Какъ на моречкѣ, на синемъ морѣ,
Орелъ съ лебедью тамъ купалися.
Какъ орла-то лебедь сталъ выспрашивать:
„Ужъ ты, батюшка-сизой орелъ,

Не бывалъ-ли ты на моей сторонѣ?
Не слыхалъ-ли ты о моей головѣ?
Что не тужатъ-ли отецъ мать обо мнѣ?
Не печалится ли молода жена?"
—«При долинушкѣ при широкой
Огонекъ горитъ: жена кашу варитъ,
Мужа въ гости ждетъ, дожидается.»

Ст. Нижнеувельская, Сосновскій поселокъ, 1902 г., казаки братья Романъ и Филиппъ Тутаевы; ст. Міасская, 1902 г., урядникъ Михаилъ Соколовъ; записалъ сотникъ Д. Е. Пичугинъ.

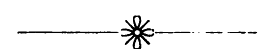
E4. Сине моречко колыхается:
Орелъ съ лебедемъ тамъ купаются.
„Ужъ ты, батюшка-младъ сизой орелъ!
Не бывалъ ли ты на моей сторонѣ?
Не слыхалъ ли ты объ моей головѣ?
Что не тужатъ ли, не плачутъ отецъ и мать обо мнѣ?"
—«Они тужатъ, плачутъ, сокрушаются,
Изъ похода сына дожидаются.»

Ст. Гирьяльская, 1903 г., нестр. стар. разр. (писарь) Иванъ Вишняковъ.

E5. Аральско моречко, море всколыбалося:
Орелъ съ лебедемъ тамъ купалися.
У орла-то лебедь, лебедь все пытается:
„Гей ты, батюшка, батюшка сизой орелъ!
Не бывалъ ли ты, орелъ, на моей сторонѣ?

Что не тужатъ ли отецъ мать обо мнѣ?"
—«Они тужатъ, они сокрушаются,
Изъ походичку сына дожидаются,
Изъ походу его—изъ дикой степи.»—
Во дикой-то степи огонечекъ горитъ;
У огня стоитъ, стоитъ бѣлый шатричекъ,
Подъ шатричкомъ лежитъ добрый молодецъ.

Записана въ 1902 году въ 3-мъ отдѣлѣ сотникомъ Д. Е. Пичугинымъ.

Ж.

Что не снѣжки ли въ полѣ
Завиднѣлися,
Не бѣлы шатрики
Забѣлѣлися.
Какъ во тѣхъ во шатрикахъ—
Три стола дубовые;
Какъ на тѣхъ на столикахъ—
Три чернильницы,
Три чернильницы,
Чернильницы золотыя;
Какъ во тѣхъ во чернильницахъ—
Три перышка,
Три перышка
Бѣлы лебединыя.
Какъ во тѣхъ-то во шатрикахъ
Огонекъ горитъ,
Огонекъ тоненькій,
Какъ дымокъ густенькій;
Какъ подъ тѣмъ-то дымкомъ
Лежитъ тѣло бѣлое,
Не убитъ онъ лежитъ,
Не зарѣзанный,

А вострой шашкою
    Изрубленный.
Какъ прилетали къ тѣлу
    Три ласточки, три касаточки:
Какъ первая ласточка плакала,
    Какъ рѣка вешняя;
Какъ вторая ласточка плакала,
    Какъ ручей вешній;
Какъ третья ласточка плакала,
    Какъ роса утренняя.
Первая ласточка была
    Родна маменька,
Вторая ласточка—
    Родная сестрица,
А третья—
    Молодая жена.
Солнышко взойдетъ,
    Роса высохнетъ.

Ст. Буранная, 1901 г., казакъ Исаакъ Пѣтрищевъ.

3.

На зарѣ было на зоренькѣ,
На восходѣ было солнца краснаго;
Соколъ съ орликомъ, они солеталися,
Соколъ съ орликомъ, они здоровлялися.
Соколъ у орлика сталъ разспрашивать:
„Ты скажи-ка скажи, младъ сизой орелъ!
Ты леталъ, орелъ, по чужимъ краямъ,
Не видалъ ли чѣмъ турецкое поле украшено?“
    Все буграми—поле все долинами,
Все казацкими, поле, могилами?

Во могилѣ стоитъ кипарисный гробъ;
Во гробу лежитъ тѣло бѣлое,
Тѣло бѣлое млада донского казака,
Не убитый казакъ, не зарѣзанный,
Турецкой пулею застрѣленный.
На головѣ у него лежитъ золотой вѣнецъ;
На вѣнцѣ сидитъ младъ сизой орелъ,
Онъ клюетъ олэ ясны глазоньки,
Онъ щиплетъ его черны кудерюшки.»

Ст. Оренбургская, 1902 г., сотникъ Г. Н. Качалинъ.

И1.

Черный воронъ, храбрый воинъ,
Что ты вьешся надо мной?
Ты не вейся надо мной,
Надъ моею головой;
Ты добычи не добьешся:
Черный воронъ, я не твой!
Для чего ты расправляешь
Остры когти надо мной?
Ты добычу ожидаешь,
Черный воронъ, я не твой!
Ты присядь на кустъ зеленый,
Черный воронъ молодой!
Отдохни на часъ спокойно,
Поспѣши ко мнѣ домой;
Ты скажи женѣ любимой,
Я женился на другой.

Ст. Разсыпная, 1900 г., ветер. фельдшеръ Семенъ Пановъ.

И2. Что-жъ ты, воронъ, что-жъ ты черный,
Что-жъ ты вьешся надо мной?
Знать добычи воронъ не добьешся:
Черный воронъ, я не твой!
Взялъ невѣсту себѣ тиху, скромну,
Въ чистомъ полѣ подъ кустомъ:
Пуля быстра, сабля востра;
Бѣла грудь моя разбита
Отъ ударовъ пулевыхъ;
Ала кровь моя струится
Отъ смертельныхъ лютыхъ ранъ.
Перевяжу я эти раны
Подаренныиъ мнѣ платкомъ...
Лети воронъ на мою сторонку,
Снеси матери поклонъ;
Ты скажи женѣ любимой:
Я женился на другой.
Уложили молодца;
На чужой пришлося на сторонкѣ
Помирать мнѣ одному!...

(„100 пѣсенъ" стр. 49).

И3. Черный воронъ!
Что ты вьешся надо мной,
Надъ моею головой?
Ты добычи не дождешься:
Черный воронъ, я не твой!
Бѣла грудь моя томится
Отъ жестокихъ лютыхъ ранъ.
Перевяжу я эти раны
Подареннымъ мнѣ платкомъ,
Отошлю платокъ кровавый

Къ милой женушкѣ своей.
Посмотри на кустъ зеленый,
Отдохни спокойно:
Черный воронъ, я не твой!
Лети, воронъ, на мою сторонку;
Ты скажи женѣ молодой:
Я женился на другой;
У насъ сваха—остра шашечка,
Повѣнчалъ насъ пистолетъ,
Въ поѣзду-то—пуля свинцовая.

Ст. Усть-Уйская, 1902 г., казачка Александра Андреевна Лосева; записалъ сотникъ Д. Е. Пичугинъ.

---

*И*4. Ты не вейся, черный воронъ,
Надъ моею головой:
Ты добычи не добьешься,—
Черный воронъ, я не твой!
Бѣла грудь моя только теперь томится
Отъ жестокихъ лютыхъ ранъ.
Перевяжу я свои раны
Подареннымъ мнѣ бѣлымъ платкомъ;
Полетай-ка ты только, черный воронъ,
На родиму сторону.
Ты скажи-ка, черный воронъ,
Моей матушкѣ поклонъ.
Ты отдай-ка письмо
Отъ сына своего,
Чтобы она по мнѣ не тужила
И сердца своего не крушила.
Здѣсь сосватала меня шашка востра,

Обвѣнчала меня свинцова пуля,
Принимала меня мать-сыра земля,
Обнимала гробова доска.

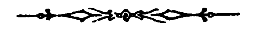
Ст. Нижнеозерная, 1903 г, урядникъ Василій Чагринъ.

I.

Знаю, воронъ, твой обычай:
Ты сейчасъ отъ мертвыхъ тѣлъ,
Ты съ кровавою добычей
Къ намъ въ деревню прилетѣлъ,
Ты леталъ много по свѣту
И кружилъ надъ мертвецомъ.
За горами есть тамъ мѣсто,
Гдѣ кипѣлъ кровавый бой.
Бой кровавый, пиръ богатый,
Будешь помнить цѣлый вѣкъ!
Ты спокинь-ка руку эту,
Руку бѣлую съ кольцомъ:
Ты спохитилъ руку эту,
Руку бѣлую съ кольцомъ.

Ст. Пречистенская, 1904 г., урядникъ Григорій Ѳедоровъ.

К.

Подъ ракитовымъ кустомъ
Казакъ голову склонилъ, *(2 р.)*
Турокъ шашку обнажилъ.
Покатилась съ плечъ головка,
Она на землю долой,
Полилася кровь горяча

На желтой, мелкій песокъ.
Какъ надъ этой головой
Вьется черный воронъ.
Ты не вейся, черный воронъ,
Надъ моею головой:
Не добьешься ты добычи;
Черный воронъ, я не твой!
Ты лети-ка, черный воронъ,
Къ отцу, къ матери къ моей.
Ты скажи же, черный воронъ,—
Не убитъ въ полѣ лежу,
Ты скажи-же, черный воронъ,
Что засватанный хожу:
Засватала молодца
Чужа дальня сторона,
Чужа дальняя сторонка,
Шашка острая стальна, *(2 р.)*
Пуля рѣзва свинцова.

Ст. Усть-Уйская, 1901 г., урядникъ Тимофей Кузьмичъ Шаминъ; записана подъесауломъ Н. С. Головинымъ.

Л. Изъ-за горъ то было да горъ высокіихъ,
Изъ-за лѣсику, лѣсу темнаго,
Выкатался тутъ бѣлъ-горючъ камень,
Выкатался онъ, весь разсыпался
По мелку зерну все по макову,
По степи, степи, по Тургай— рѣкѣ.
Возмогался тутъ добрый молодецъ,
Онъ своимъ друзьямъ все наказывалъ:
„Вы, друзья, братцы, все товарищи,
Старопрежніе, вы, пріятели!
Понесетъ васъ Богъ на Святую Русь,

На Святую Русь, въ свою сторону,
Вы скажите-ка отцу съ матерью
Разнизкой поклонъ до сырой земли,
Молодой-то женѣ все почтеньице."

Ст. Магнитная, 1904 г, урядникъ Филиппъ Ефимовъ.

М.

Послѣ битвы за Дунаемъ,
Въ басурманской сторонѣ,
Умирая послѣ боя,
Воинъ слово молвилъ мнѣ:
„Отнеси, братъ, въ край родимый,
Послѣ моихъ похоронъ,
Челобитьице родимой
И родимому поклонъ,
А женѣ своя ей воля
Стать другой разъ подъ вѣнецъ;
Видно, братъ, моя не доля,
И женѣ не мужъ мертвецъ.
Вѣсть снеси вдовѣ такую,
Что женатъ я на другой,
Что съ другою вѣкъ свѣкую
Я подъ крышей вѣковой:
Что за нею на погостѣ
Взялъ я каменный накатъ,
Пуля сватала, а гости
Были пушки да булатъ."

Записалъ въ 1902 году во 2-омъ отдѣлѣ подъесаулъ Л. Г. Чернявскій.

Н.

Вѣтеръ по полю шумитъ,
Весь казакъ въ крови лежитъ,
На курганѣ головой,
Подъ осокою рѣчной;
Конь ретивый въ головахъ,
А степной орелъ въ ногахъ...
„Ахъ, орелъ, орелъ степной,
Побратаемся съ тобой:
Ты начнешь меня терзать
И глаза мои клевать!
Дай же знать про это ей,
Старой матери моей.
Чуть начнетъ она пытать,
Знай о чемъ ей отвѣчать:
Ты скажи, что вражій ханъ
Полонилъ меня въ свой станъ,
Что меня онъ отличилъ
И могилой наградилъ!
Съ сыномъ ей ужс не жить
И волосъ ему не мыть:
Ихъ обмоетъ ливень грозъ,
Выжметъ до суха морозъ,
И расчешетъ ихъ бурьянъ,
И раскудритъ ураганъ.
Ты не жди его домой,
Зачерпни песку рукой
Да посѣй, да поджидай,
Да слезами поливай,
И когда посѣвъ взойдетъ,
Сынъ на родину придетъ!“

Ст. Оренбургская, 1902 г., сотникъ Г. Н. Качалинъ

О.

Поѣхалъ далеко казакъ на чужбину
На добромъ конѣ ворономъ,
Свой Уралъ онъ навѣки покинулъ,
Ему не вернуться въ родительскій домъ.
Напрасно казачка его молодая
И утро, и вечеръ на сѣверъ глядитъ:
Все ждетъ, поджидаетъ съ далекаго края,
Когда къ ней казакъ прилетитъ.
А тамъ за горами, гдѣ вьюги, мятели,
Гдѣ страшны морозы трещатъ,
Гдѣ сдвинулись дружно и сосны, и ели,
Тамъ кости казака лежатъ.
Казакъ и просилъ, и молилъ, умирая,
Насыпать курганъ въ головахъ,
И пусть на курганѣ калина родная
Красуется въ яркихъ цвѣтахъ!
Пусть вольныя пташки, садясь на калину,
Порой прощебечутъ онѣ
Мнѣ, бѣдному, вѣсти въ холодной могилѣ
О милой родной сторонѣ!

Ст. Кардаиловская, 1900 г., бомбардиръ-лаборатористъ Романъ Тарасенковъ; ст. Гирьяльская, 1901 г., нестр. стар. разр., Иванъ Вишняковъ; записана также въ 1902 году во 2-омъ отдѣлѣ подъесауломъ Л. Г. Чернявскимъ; ст. Міасская, 1902 г., урядникъ Михаилъ Соколовъ (записалъ сотникъ Д. Е. Пичугинъ).

Казакъ раненъ въ бою.

А 1.

Во дикой-то степи, тамъ пролегала большая дороженька,
Шириной она не широкая,
Долиной-то дороженька конца краю нѣтъ.
Какъ никто-то по ней, по дороженькѣ,

Никто не прохаживалъ,
Никто слѣдика по ней не прокладывалъ,
Только шли-то, прошли удалы казаченьки.
Позади-то бѣжитъ сивый рѣзвый конь;
Какъ сѣдельице на немъ черкесское на бокъ сбилося,
Потнички-то поярчатые они всѣ повыбились.
За конемъ-то бѣжитъ раздушечка—добрый молодецъ,
Добрый молодецъ, удалой-то казакъ.
Онъ бѣжитъ-то бѣжитъ, голосомъ-то кричитъ,
Голосомъ-то кричитъ, самъ рукой машетъ:
„Вы, товарищи, вы, мои станичники,
Не спокиньте меня, добра молодца, во дикой степи,
Во дикой степи, въ азіатской сторонѣ!"

Ст. Разсыпная, 1902 г., нестр стар. разр. Гавріилъ Гурѣевъ и казакъ Никифоръ Секретевъ.

---

*А*2. Во дикой-то степи пролегывала большая дороженька,
Шириной-то она не широкая,
Долиной-то она конца-краю нѣтъ.
Какъ никто-то по ней не прохаживалъ,
Никто слѣдику по ней не прокладывалъ,
Только шли-то, прошли удалы казаченьки.
Позади-то бѣжитъ сивый рѣзвый конь;
Какъ сѣдельице на немъ черкесское на бокъ сбилося,
Потнички-то бѣлы поярчаты они всѣ повыбились,
Какъ стремснушки его булатныя они по копытамъ бьютъ,

Какъ уздечку свою тесьмяненькую на ушкѣ
пронесъ.
За конемъ-то бѣжитъ раздушечка, добрый молодецъ,
Добрый молодецъ, удалой-то казакъ;
Онъ бѣжитъ-то бѣжитъ, раздушечка, самъ рукой машетъ,
Онъ рукой-то машетъ, голосомъ кричитъ:
„Ужъ вы братцы мои, вы, станичники!
Не спокиньте меня во дикой степи,
Во дикой-то степи, въ азіатской сторонѣ.“

Ст. Разсыпная, 1903 г., нестр. стар. разр. Гавріилъ Гурѣевъ и казакъ Никифоръ Секретевъ.

—✳✺✳—

*Б*1. Не былиночка во чистомъ полечкѣ, въ полѣ зашаталася—
Зашатался да онъ загулялся удалъ добрый молодецъ,
Въ одной-то онъ тоненькой, аленькой во рубашечкѣ,
Во другой-то въ черкесочкѣ.
У черкесочки полы призатыканы,
У черкесочки все рукавчики были призасучены,
Басурманскою кровью призабрызганы.—
Какъ увидѣла его родна матушка изъ того терема высокаго.
«Ты дитя ли мое, дитя, чадо милое!
Ты зачѣмъ, на что пьяный напиваешься, по черной грязи валяешься?»
—„Я не самъ-то собой напиваюся, по черной грязи валяюся,—

Напоилъ-то меня прущкой король
Тремя пойлами, тремя разными:
Какъ первое пойлушко—свинцова пуля,
Какъ второе пойлушко—копье булатное,
Какъ третье пойлушко —шашка вострая.“

Ст. Разсыпная, 1903 г., казакъ Кузьма Рябухинъ.

Б2. Не былиночка во чистомъ полѣ зашаталася—
Зашатался же, загулялся же удалъ добрый молодецъ
Въ одной тоненькой коленкоровой бѣленькой рубашечкѣ
Да во красненькой онъ во своей во черкесочкѣ.
У черкесочки назадъ полушки были призатыканы,
Басурманскою кровью алою они призабрызганы.
Увидала его родимая матушка изъ высокаго терема:
„Ты, дитя ли мое, мое дитятко, дитя мое милое!
Ты зачѣмъ, на что, мое дитятко, пьяно напиваешься,
По черной-то грязи, мое дитятко, ты валяешься?“
—«О ты, мать ли моя, матушка, матушка родимая!
Я не самъ-то собой, моя матушка, пьяно напивался:
Напоилъ-то меня, моя матушка, прусской король,
Напоилъ-то меня тремя пойлами, всѣми тремя разными:
Какъ и первое его пойлице—свинцова пуля,

Какъ второе его пойлице—пика острая,
Какъ и третье его пойлице—шашка острая,
Шашка острая, отпущеная.
Для меня-то, добраго молодца, эти пойлица приготовлены, насычены,*)
Эти пойлица были для меня разныя,
Къ ретиву-то сердцу были больныя.

Записана подъесауломъ М. Т. Лобановымъ.

---

*Б*3. „Ты, Василій, ты, Василій, Васильюшка сынъ Ѳедоровичъ!
Ты зачѣмъ-то, на что пьяный напиваешься?
По черной ты грязи, сыночекъ, валяешься?“
—«Я не самъ собой напиваюся, родна мамонька:
Напоилъ-то меня младъ пруцкой король.»
Увидала его мамонька родимая
Изъ того ли терема, терема высокаго,
Изъ того ли окна изъ хрустальнаго.
„Ты, дите ли мое, дитятко!
Ты зачѣмъ, на что пьяный напиваешься?
По черной-то грязи валяешься?“
—«Я не самъ-то собой напиваюся, родна мамонька,
По черной грязи валяюся:
Напоилъ-то меня пруцкой король,
Напоилъ-то онъ меня тремя пойлушками, тремя разными:
Какъ первое пойлушко—пуля быстрая,

*) „Насычены“—насыщены.

Какъ второе пойлушко—пика пруцкая,
Какъ третье пойлушко—шашка вострая.»

Ст. Разсыпная, 1902 г., нестр. стар. разр. Гавріилъ Гурѣевъ.

Азіатскій плѣнъ. А1.

Изъ Крыму было, изъ Нагаю,
Изъ той-то орды, орды изъ поганой,
Выбѣгалъ-то молодой невольничекъ онъ изъ неволи.
Подбѣгаетъ же молодой невольничекъ къ рѣчкѣ ко Дунаю.
Какъ на ту-то пору, на то времечко Дунай становился,
Онъ тоненькимъ ледочкомъ Дунай сомыкался,
Онъ осеннимъ мелкимъ дождичкомъ Дунай размокался.
Не нашелъ, не нашелъ молодой невольничекъ себѣ переходу,
Онъ пошелъ-то, пошелъ, молодой невольничекъ, внизъ по Дунаю,
Онъ нашелъ-то, нашелъ пашню яровую....

Ст. Разсыпная, 1904 г., казакъ Петръ Ломакинъ 62 лѣтъ.

А2.

Какъ изъ Крыма было, изъ орденушки,
Орды изъ поганой,
Выбѣгаетъ молодой невольничекъ
Къ рѣченькѣ Дунаю.
Какъ на ту пору, на то времечко
Дунай становился,

Онъ осеннимъ тоненькимъ ледочкомъ
Дунай сомыкался,
Онъ крещенскими морозами
Дунай укрѣплялся,
Онъ бѣленькимъ, тоненькимъ снѣжочкомъ
Дунай покрывался.
Что пошелъ-то, пошелъ молодой невольничекъ
Внизъ по Дунаю,
Онъ нашелъ-то, нашелъ младъ невольничекъ
Пашню яровую;
Не сохами эта пашенка,
Она пахана:
Она пахана молодымъ невольничкомъ,
Горючьми слезами.

Ст. Оренбургская, 1904 г., урядникъ Савва Перовъ.

*А*3. Какъ изъ Крыму, изъ Нагаю, изъ той ли орды изъ поганой
Выбѣгаетъ молодой невольничекъ изъ неволи.
Подбѣгаетъ молодецъ къ рѣчкѣ ко Дунаю,
Какъ у этой Дунай-рѣчки переходу нѣтъ.
Какъ становится молодецъ на крутъ бережочекъ;
Остановившись, онъ залился, заплакалъ,
Свою сторону родимую вспомянулъ:
„Сторона ли, ты моя сторонушка, сторона родимая!
Еще знать-то, мнѣ, молодцу,
На тебѣ, сторонушка, не быть-не бывати,
Со своимъ-то родомъ-племенемъ не видаться.“

Какъ на ту-то пору, на то времечко Дунай ста-
новился,
Ужъ онъ синенькимъ ледочкомъ смыкался,
Бѣлою порошицею покрывался.
Какъ пошелъ, побѣжалъ молодой невольни-
чекъ внизъ по Дунаю,
Нахаживалъ онъ тамъ пашенку яровую;
Призапахана эта пашенка не сохами, и не боро-
нами,
Призасѣяна была невсхожими сѣменами—
Призапахана конскими копытами,
Призасѣяна казачьими буйными головами.

Записана войск. стар. Н. К. Бухаринымъ въ ст. Разсыпной отъ казака Степана Давыдова, донца *).

А4. Какъ бѣжалъ-то, бѣжалъ
Молодой невольникъ,
Бѣжалъ-то онъ
Изъ неволи,
Какъ изъ той-то орды
Изъ далекой.
Прибѣжалъ-то молодой невольникъ
Къ рѣченькѣ онъ Дунаю.
На ту пору, на то время
Дунай становился,
Какъ онъ тоненькимъ ледкомъ
Сверху затягался
И бѣленькимъ снѣжкомъ пушистымъ
Покрывался.

---

*) Изъ донцовъ, переселенныхъ по Высочайшему указу 12 іюля 1795 года.

Не нашелъ-то молодой невольникъ
Себѣ переправы,
Переправы и переходу,
Онъ мелкаго броду.
Становился же молодой невольникъ
На крутенькій бережочекъ,
На крутенькій бережочекъ,
На сыпучій песочекъ.
Какъ ставши на песочекъ,
Онъ горько заплакалъ:
„Сторона-ль, ты, моя сторонушка,
Сторона милая!
Видно мнѣ, сторонушка,
На тебѣ не бывать,
На тебѣ не бывать,
Отца, мать не видать.“

Ст. Нижнеозерная, 1903 г., казакъ Крыловъ.

---

*A*5. Вы, туманушки ли, туманушки мои!
Не подняться вамъ, туманушки, отъ синя моря къ облакамъ—
Не отогнать мнѣ печаль-кручинушку отъ сердечушка своего.
Мнѣ вечоръ-то, ночесь, добру молодцу,
Мнѣ малымъ мало спалось, много видѣлось во снѣ:
Будто я-то лежу во дикой степи одинъ,
Сквозь ребрышковъ моихъ и суставчиковъ мурава-трава проросла,
Сквозь ретиваго сердечушка алый цвѣтокъ расцвѣлъ,
На буйной-то на моей головушкѣ пташка гнѣздышко свила.

Не за долгое было времечко, во несчастьице я попалъ,
Въ такое-то во несчастьице: къ непріятелю попалъ въ плѣнъ,
Ко тому ли непріятелю—въ некрещеную орду,
Избиралъ я такіе случаи, какъ избавиться отъ злыхъ рукъ.
На утренней на зоренькѣ всѣ поснули крѣпкимъ сномъ.
Ушелъ-то, бѣжалъ младъ невольничекъ изъ киргизскихъ злыхъ рукъ;
Прибѣгалъ младъ невольничекъ ко Уралу, быстрой рѣкѣ.
На ту пору Уралъ-рѣка становилася,
Тоненькимъ ледочкомъ затягалася,
Бѣленькимъ снѣжочкомъ покрывалася.
Младъ невольничекъ на ледочекъ становился,
Подъ нимъ тоненькій ледочекъ подломился.
На восходъ младъ невольничекъ возмолился,
Черезъ воду перейти рѣшился;
Такъ изъ неволюшки освободился.

Записана въ 1890 году войск. старш. Н. К. Бухаринымъ въ ст. Верхнеозерной отъ казака Алексѣя Ивановича Бѣлянинова 75 лѣтъ.

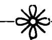

Б 1. Отецъ съ сыномъ на сѣнокосъ пошли,
А млада доченька имъ ѣсть понесла
„Ужъ ты, доченька, поди, поверши намъ зеленъ стогъ.“
Вершила она зеленъ стогъ;
Вдругъ дочка призадумалася.
—«Что это, батюшка, въ полѣ затуманилось,
Затуманилось въ полѣ, запылилося?

Все людей везутъ скованныхъ и связанныхъ,
Связанныхъ все арканами волосяными.“
—„Ужъ ты, доченька, слазь-ка съ зелена стога,
Пойдемъ спрячемся въ зеленъ камышъ.“
—«Ужъ я, батюшка, пересмотрю, все повыгляжу,
Что это за людей везутъ?»
А отецъ съ сыномъ въ камышъ ушли.
Въ это время подбѣгалъ къ ней младъ татаринъ,
Говорилъ онъ красной дѣвушкѣ:
„Ужъ ты, дѣвушка, слазь-ка съ зелена стога!“
Бросалась дѣвушка на всѣ четыре сторонушки,
Опущала она свои ясны очи на сыру землю,
Опущала она руки на бѣлую грудь.
Ужъ давалъ же ей молодой татаринъ кроваву рану.
И снималъ ее съ зелена стога,
Саживалъ ее на своего добра коня,
На добра коня на иноходнаго,
Повезъ ее во свою землюшку азіатскую;
—„Ужъ ты будь же, дѣвушка, мнѣ хозяюшкой,
А я тебѣ, дѣвушка, хозяиномъ.“
Отдавалъ же онъ съ себя шелковый поясъ,
Отдавалъ ей свои золоты ключи
И препоручалъ ей свое хозяйство.
—„Ужъ ты, дѣвушка, моя хозяюшка,
Ходи-ка ты въ мои любимы погреба.“
Не задолго, не закоротко угождала къ нимъ въ полонъ
Ея родимая мила матушка.
Сажала она ее ногами дитя качать,
Руками же—куделю прясть,
Глазами же велѣла гусей пасти.
Дитя качая, говоритъ родима матушка:
Ужъ ты по-русскому—младъ казачій сынъ,
А по татарскому—киргизеночекъ:
Ужъ твой батюшка—мой зятюшка,

А твоя-то мать—мнѣ родимая дочь,
А самъ же ты мнѣ—внученочекъ."
Говорила тутъ дочь таковы слова:
«Ужъ ты, маменька, ты, моя родна!
Кабы знала я, кабы вѣдала,
Не заставила бъ тебя дитя качать,
Не заставила бъ тебя куделю прясть
И не заставила бъ тебя гусей пасти.»
Тутъ сажала она ее за дубовый столъ,
Становила передъ ней яства сахарныя,
Горючьми слезьми заливалася.
Стала матушка уговаривать дочку:
„Пойдемъ-ка, доченька, убѣжимъ домой."
Говоритъ ей дочка таковы слова:
«Нѣтъ, матушка, обзавелась я малыми дѣтками,—
Жаль мнѣ оставить ихъ.»
—„Ужъ ты, мила моя доченька!
Если жаль тебѣ дѣтушекъ, оставайся здѣсь,
А меня, родну маменьку, отпустите вы на родину.»
Побѣжала дочь къ своему мужу, хану киргизскому,
Разсказала ему о своей матери.
Приходилъ же самъ ханъ киргицкій;
Онъ дарилъ ее золотой казной,
И сажалъ на добра коня,
На добра коня иноходнаго
Провожалъ ее въ свою землю, на родину.

Ст. Нижнеозерная, 1903 г., восьмидесятилѣтняя казачка, пожелавшая изъ боязни грѣха остаться неизвѣстной; записана ветер. фельдшеромъ Георгіемъ Киселевымъ.

Б2. Что во степи-то степи во Саратовской,
во Саратовской
Нѣтъ ни кустичку, нѣтъ ни прутичку,
нѣтъ ни прутичку.
Изъ-за горъ-то горъ. пригоръ, горъ высокіихъ,
горъ высокіихъ
Что не пыль, пыль пылитъ, не туманъ валитъ,
не туманъ валитъ—
Бѣгутъ, бѣгутъ злы киргизушки,
злы киргизушки,
Киргизушки басурманушки,
басурманушки.
Какъ отецъ да дочь тамъ стога вершатъ,
тамъ стога вершатъ,
Тамъ стога вершатъ, все на степь глядятъ,
все на степь глядятъ.
—„Ты родимый мой, родный тятенька,
родный тятенька,
Ты бросай, бросай стоговы вилы,
стоговы вилы,
Ты бѣги, бѣги въ камышъ-травку,
въ камышъ-травку,
А мнѣ горькой, разнесчастной,
разнесчастной,
Мнѣ горькой какъ Богъ велитъ,
какъ Богъ велитъ."
Подбѣгаютъ же злы киргизушки,
злы киргизушки,
Ко тому ко стогу несвершеному,
несвершеному.
—«Ты слѣзай, ты слѣзай красна дѣвица,
красна дѣвица:
Коль не слѣзешь ты, то мы стогъ зажгемъ,
то мы стогъ зажгемъ.»
Какъ отвѣтила красна дѣвица,
красна дѣвица:
„Вы подайте мнѣ волосяной арканъ,
волосяной арканъ,

А я слѣзу къ вамъ,
а я слѣзу къ вамъ.“
Какъ слѣзала же красна дѣвица,
красна дѣвица,
Съ того ли стога несвершенаго,
несвершенаго.
Посадили же ее красну дѣвицу,
красну дѣвицу,
Красну дѣвицу на добра коня,
на добра коня,
На добра коня позади сѣдла,
позади сѣдла.
Повезли ее красну дѣвицу ко себѣ въ аулъ,
ко себѣ въ аулъ.
Привезли ее красну дѣвицу къ своему хану,
къ своему хану.
Начали дѣлить ее по своимъ рукамъ,
по своимъ рукамъ.
Доставалась красна дѣвица самому хану,
самому хану.
Они годъ жили, они два жили,
они два жили,
И на третьемъ году дитя прижили,
дитя прижили.
Какъ сказалъ-то ханъ своему киргизину,
своему киргизину:
„Ты поѣзжай, поѣзжай во дикую степь,
во дикую степь.
Ты найди, найди нянюшку,
найди нянюшку.“
Какъ побѣжалъ же злой киргизушка,
злой киргизушка,
И нашелъ же онъ русску бабушку,
русску бабушку.
Какъ привезъ ее ко себѣ въ аулъ
ко себѣ въ аулъ.
Какъ качала она, приговаривала
приговаривала:
«Ты, качу, баю, мое дитятко,
мое дитятко:

Ты по матушкѣ—крови русской,
крови русской,
А по батюшкѣ—крови басурманской,
крови басурманской.»
Какъ за дверью дочь подслушала,
дочь подслушала.
Растворяла же она двери киргизскія,
двери киргизскія;
Выходила она къ родной матери,
къ родной матери,
И кидалась она на шею матери,
на шею матери:
„Ты родимая, родна маменька,
родна маменька,
Ты не знала гдѣ твоя доченька,
твоя доченька.“
Какъ сказала же княгиня самому хану,
самому хану:
„Отвезите родну мою маменьку на свою сторо-
нушку,
на свою сторонушку »
Назначаетъ же злой ханушка своего киргизушку,
своего киргизушку
Отвезти ея родну маменьку на свою сторонушку,
на свою сторонушку.
—„Ты прости, прощай, моя маменька,
моя маменька,
Ты дай мнѣ свое благословеньице на вѣки не-
рушимое,
на вѣки нерушимое.“
И наградилъ же ханъ свою тещу златомъ-се-
ребромъ,
златомъ-серебромъ.
Отвезъ же злой киргизушка ее на свою сто-
ронушку,
на свою сторонушку.
Пустилъ же онъ ее на свои рѣзвы ноженьки,
на свои рѣзвы ноженьки.

Какъ пришла же родна маменька на свою родну сторонушку
на свою родну сторонушку,
Какъ и стала же она объяснять о своей родной доченькѣ,
о своей родной доченькѣ,
О своей родной доченькѣ родному батюшкѣ,
родному батюшкѣ,
Какъ живетъ она во ордѣ киргизской,
во ордѣ киргизской,
Нажила она родныхъ дѣтушекъ,
родныхъ дѣтушекъ,
Какъ по матушкѣ они—крови русской,
крови русской,
А по батюшкѣ—крови киргизской,
крови киргизской,
Какъ насмотрѣлась я на жизнь доченьки,
на жизнь доченьки,
Какъ поитъ, кормитъ она своихъ дѣтушекъ,
своихъ дѣтушекъ.

Ст. Нижнеозерная, 1905 г., урядникъ Василій Чагринъ.

———*———

*Б*3.

Какъ за батюшкой, за Яикушкомъ,
Огонекъ горитъ, огонь маленькій,
А дымокъ-то идетъ, дымокъ тоненькій.
Какъ вокругъ-то огня злы киргизушки,
И дѣлятъ-то они все русскій плѣнъ....
Кому-то чего доставалося:
Доставалася теща зятюшкѣ,
Теща зятюшкѣ, злу киргизушкѣ:
Онъ и взялъ-то тещу за праву руку,
Посадилъ-то ее на добра коня:

Онъ повезъ-то ее въ большой аулъ,
Въ большой-то аулъ, къ молодой ханшѣ.
«Молодая ханша!» встрѣчай меня:
«Я везу тебѣ работницу,
Работницу, русску плѣнночку.
Ты заставь-ка ее три дѣла дѣлать:
Перво дѣльце—барановъ пасти,
Друго дѣльце—кудель прясти,
А и третье дѣльце—дитя качать.»
„Ты качу-баю, мое дитятко!
Ты по батюшкѣ киргизеночекъ,
А по матушкѣ мнѣ внученочекъ:
Твоя матушка—моя доченька.“
Молодая ханша все выслушивала
И входила къ ней во кибиточку;
Она бросилась къ ней на шеюшку.
—«Ты родная, моя матушка!
Ты давно бы мнѣ сказалася,
Ты давно бы мнѣ объяснилася.
Ты пойдемъ-ка, пойдемъ во большой косякъ;
Осѣдлаемъ коня сѣдельцемъ бархатнымъ
Со стремечками булатными.
Ты садись-ка, матушка, на добра коня,
Поѣзжай-ка, поѣзжай въ свою сторону,
А мнѣ горькой, знать, такъ Богъ велѣлъ»...

(Стариковъ стр. 228).

B. На зарѣ-то было, на зоренькѣ,
Зарѣ утренней,
На восходѣ было
Краснаго солнышка;
Собиралось тутъ собраніе,
Собраньe не малое,

Что не малое собраньице—
Казачій кругъ.
А во кругу-то у нихъ—
Ковры бѣлые,
Ковры бѣлые,
Разошитые;
На коврахъ-то у нихъ, казаченьковъ,
Поставленъ новъ кленовый стулъ;
На стулу-то сидитъ
Полковничекъ,
Передъ нимъ-то стоитъ, передъ полковничкомъ,
Младъ донской казакъ.
Онъ бить-то не бьетъ,
Все выспрашиваетъ,
Изъ ума его, казаченьку,
Все выпытываетъ:
„Ты кому, кому, казаченька,
Кому служишь?"
—«Я служу-то, служу, казаченька,
Царю Бѣлому,
Царю Бѣлому,
Петру Первому.»
—„Ты скажи-ка, скажи,
Казаченька,
Много ли у Царя
Россійскаго
Войска храбраго,
Свинцу-пороха?"
—«Какъ у нашего Царя
Россійскаго
Войска храбраго—
Конца нѣтъ,
Свинцу-пороха—
Счету нѣтъ.»
—„За такую смѣлость,

Казаченька,
Я дарю тебѣ
Волю вѣчную;
Ты поди же поди
Во Россiюшку,
Въ свое войско,
Войско храброе."

Ст. Нижнеозерная, 1902 г., казачка Дарья Сошникова.

Поселенiе на новыхъ мѣстахъ и прилинейная служба. А1.

Леталъ-то, леталъ сизый орликъ,
Леталъ онъ по край синя моря,
Искалъ то, искалъ себѣ мѣстечко;
Нашелъ себѣ мѣстечко: дерево кедровое.
На томъ то деревцѣ сталъ гнѣздо свивать;
Свивши гнѣздо, яицъ нанесъ;
Нанесши яицъ, сталъ насиживать.
Насидѣвши яицъ, сталъ дѣтей выводить;
Вывивши*) дѣтей, на возлетъ пускалъ.
„Летайте ужъ, летайте, мои дѣтушки, по край синя моря!
Вы не бейте ужъ, мои дѣтушки, гусей-лебедевъ,
Бейте гусей—ракутицъ!"

Ст. Нижнеозерная. 1903 г., бомбардиръ Василiй Ефимовичъ. Стрижевъ.

А2.

Не старостью сѣдой орелъ состарился,
Состарился летаючи;
Разыскивалъ орелъ удобныхъ мѣстъ,
Гдѣ бы свить орлу тепло гнѣздо,
Вывести малыхъ дѣтушекъ.
Нашелъ-то, нашелъ сизой орелъ удобны мѣста
На славной на рѣченькѣ, на Уралушкѣ,
На славныхъ на трехъ дубахъ.

*) Народное выраженiе.

Онъ донышко выкладывалъ серебромъ,
По краешкамъ выкладывалъ крупнымъ жемчугомъ.
Вдругъ несчастьице повстрѣчалося:
Подымалися бури южныя,
Изломали дубья вѣковые.
Такъ лишился сизой орелъ малыхъ дѣтей.

Записана войск. старш. Н. К. Бухаринымъ въ Верхнеозерной станицѣ отъ казака Алексѣя Ивановича Бѣлянинова 75 лѣтъ въ 1890 г.

A3. Леталъ-то, леталъ сизой орлюшка, онъ полетывалъ,
Онъ искалъ-то, шукалъ себѣ мѣстечко угожее;
Онъ нашелъ-то, нашелъ себѣ деревцо кедровое.
На томъ-то деревѣ сизой орлюшка, онъ гнѣздо свивалъ.
Какъ онъ донышко призакладывалъ чистымъ серебромъ,
Какъ онъ краешки вымазывалъ чистымъ золотомъ,
Изукрашивалъ онъ тепло гнѣздышко мелкимъ жемчугомъ.
Потомъ-то, сизой орлюшка, онъ яицъ нанесъ;
Нанесши бѣлыхъ яицъ, онъ сталъ насиживать;
Насиживалъ три недѣлюшки, на четвертой сталъ дѣтей выводить;
Выведши, сталъ кормить-поить;
Выкормивши, на возлетъ пустилъ, сталъ приказывать:
„Ужъ вы, дѣти мои, дѣти милыя!
Не покинулъ я васъ, мои дѣтушки, при младости,
Не покиньте, мои дѣтушки, меня при старости, при древности.“

У сиза-то орла головушка бѣлымъ бѣла,

А бородушка, какъ ковыль бѣлый.
Порастерхались, поразлетались дѣтушки по
всѣмъ сторонамъ,
Сизого орла оставили ни причемъ при старости
и при древности.

Записана войск. старш. Н. К. Бухаринымъ въ станицѣ Разсыпной.

А4. Онъ леталъ-то, леталъ, сизой орлюшка,
батюшка, состарившись;
У сизого орла бородушка она сѣдымъ-то сѣда,
У сизого орла головушка, ровно лунь, бѣла.
Онъ леталъ-то, леталъ, сизой орлюшка, по
край моречка, по край синяго;
Онъ искалъ-то, шукалъ, сизой орлюшка, мѣ-
стечко угожее;
Онъ нашелъ-то, нашелъ, сизой орлюшка, себѣ
деревцо кедровое.
Онъ на томъ-то деревѣ, сизой орлюшка, сталъ
гнѣздо себѣ вить.
Свивши тепло гнѣздышко, сталъ онъ его изу-
крашивать:
Краюшки у тепла гнѣздышка изукрасилъ чис-
тымъ серебромъ,
Донышко у тепла гнѣзда изукрасилъ чистымъ
золотомъ.
Изукрасивши тепло гнѣздышко, сизой орлюшка
сталъ пухъ пускать;
Напустивши бѣлаго пушечку, онъ сталъ яйца
нести;
Нанесши яичекъ, сизой орлюшка сталъ ихъ
насиживать;
Насидѣвши яицъ, сизой орлюшка сталъ дѣтей
выводить;

Выведши малыхъ дѣтушекъ, сталъ онъ ихъ поить—кормить;
Выкормивши—выпоивши малыхъ дѣтушекъ, сталъ онъ ихъ на полетъ пускать,
При отлетѣ младыхъ дѣтушекъ, сталъ имъ наказы наказывать:
„Ужъ вы, дѣти мои, вы, орлятушки,
Не спокиньте вы меня при старости,
При старости, при великой древности, млады дѣтушки.“

Ст. Разсыпная, 1903 г., казакъ Никифоръ Секретевъ.

A 5. Загоралась, занималась заря алая—
Загоралась, занималась степь широкая.
Обгорѣлъ, облетѣлъ младъ сизой орелъ,
Обгорѣли у него крылья крѣпкія;
Упалъ сизой орелъ на сыру землю;
На сырой-то землѣ орелъ все катается,
Своей смерти орелъ дожидается.
Налетѣли на орла карги-вороны,
Надъ сизымъ орломъ онѣ насмѣхалися.
„Да ты, Боже мой, Боже, Господь милостивый,
Ты создай-ка, пошли весну красную!
Обрастутъ да заживутъ крылья быстрыя мои;
Я помчусь да полечу по поднебесью,
Заклюю я, защиплю загуменную каргу.
Ты, ворона, ты ворона, загуменная карга!
Не бывать тебѣ, ворона, яснымъ соколомъ,
Не летать тебѣ, ворона, по поднебесью,
Не клевать тебѣ, ворона, гусей, бѣлыхъ лебедей.“

Записана подъесауломъ М. Т. Лобановымъ.

Б1.

Вы, станы ли мои, станочки,
Станы поразорены—
Всѣ друзья ли мои, всѣ товарищи,
Друзья поразосланы,
По пикетамъ друзья, по секретамъ друзья
Разстановлены.
Не двѣ тучи, не двѣ грозныя
Вмѣстѣ сходилися,
Не два орлюшка не два сизыхъ
Вмѣстѣ солеталися,
То два брателка, то два родныхъ
Вмѣстѣ соѣзжалися.
Какъ большой-то брателка меньшому
Сталъ рѣчь высказывать:
„Ужъ ты, братецъ мой родимый,
Не спокинь меня!
Какъ помру я, родной братецъ,
Ты похорони меня
При ростошкѣ, при дорожкѣ,
На крутой большой горѣ.“

Ст. Богуславская, 1902 г., казакъ Павелъ Бурлуцковъ; ст. Нижнеозерная, 1904 г., бомбардиръ Андрей Болодуринъ; записана также въ 1902 году во 2-мъ отдѣлѣ подъесауломъ Л. Г. Чернявскимъ.

Б2.

Вы, станы ли, мои станочки,
Станы поразорены,
Всѣ друзья ли, все товарищи,
Друзья поразосланы,
По пикетамъ, по секретамъ друзья
Разстановлены.
Не двѣ тучи, не двѣ грозны

Вмѣстѣ сходилися,
Не два сокола крылатыхъ
Вмѣстѣ солетались,
Не два братца, не два родныхъ
Вмѣстѣ соѣзжались.
Какъ старшой братецъ меньшому
Сталъ рѣчи высказывать:
„Ужъ ты, братецъ мой родной,
Да ты не спокинь меня;
Если помру я, родной братецъ,
А ты схорони меня
При дорожкѣ, на ростошкѣ,
На крутой горѣ.“

Ст. Пречистенская, 1904 г., урядникъ Григорій Ѳедоровъ.

***

В.

Какъ мы встрѣтили врага,
Такъ пошли мы на-ура
И, разбивши, возвратились,
Запѣли пѣсню со слезами:
Божья помощь была съ нами!
Не дай, Боже, намъ погибнуть
И поддаться намъ врагамъ!
Возвратившись же въ станицу,
Мы подумаемъ, какъ быть,
Къ старикамъ мы обратимся,
Усердно будемъ ихъ просить:
Старики—наша защита,
Помогаютъ они намъ;
Хоть мы малые ребята,
Будемъ слушать стариковъ,
Будемъ бить своихъ враговъ.
Мы враговъ не стыдимся,
Прогоняемъ отъ себя,

Наши пики намъ защита,
Не покоримся врагамъ!

Записана войск. стар. Н. К. Бухаринымъ въ ст. Нижнеозерной.

Смутное время— безвременница. **А.**

На дубу было, на дубочкѣ,
Надъ глубокою надъ рѣкою,
Одинокій только думалъ
Ясный соколъ молодой.
Взвился соколъ жесткокрылый,
Соколъ къ морю полетѣлъ.
По утру рано на разсвѣтѣ
Ясный соколъ пролетѣлъ.
По утру рано на разсвѣтѣ
Волны плещутъ въ берегахъ.
По утру рано громъ грохочетъ,
Соколъ борется съ волной.
Приказъ отданъ всему войску—
Соколъ въ морѣ потонулъ,
Приказъ отданъ есауламъ
Тѣло сокола прибрать.

Ст. Нижнеозерная, 1905 г., урядникъ Василій Чагринъ.

Б1.

Черна ягодка, смородинка,
Ты когда же взошла, когда выросла?
Я весной-то взошла, лѣтомъ выросла,
Осенью цвѣтикъ опалъ призаломанный;
По три вѣточки въ пучки связана,
Вдоль дороженьки поразбросана
До того ли двора до майорова.
У майорова двора зеленъ садъ стоитъ;

Въ зеленомъ саду бѣлъ шатеръ стоитъ;
Какъ во шатрикѣ огонечекъ горитъ все яснешенекъ,
Какъ дымочекъ-то идетъ все густешенекъ;
У огонька-то сидитъ самъ майоръ съ майоршей,
У майора-то ножки скованы,
У майорши-то ручки связаны.
На часахъ стоитъ молодой казакъ.
Передъ нимъ стоитъ красна дѣвица,
Красна дѣвица—дочь майорская.
„Ты раскуй, раскуй мово батюшку,
Развяжи ручки моей матушкѣ,
И пойду за тебя тогда замужъ я.“
—«Не могу я, красна дѣвица,
Расковать, развязать, тебя замужъ взять.»

Ст. Нижнеозерная, 1902 г., ветер. фельдшеръ Георгій Киселевъ.

Б2. Черна ягодка—смородинка,
Зелена-то она призаломана,
По три вѣточки въ пучки связана,
По дороженькѣ поразбросана,
Желтымъ песочкомъ пріусыпана,
Добрымъ конемъ пріутоптана,
Горючьми слезьми пріулитая,
До того ли села Шереметьева,
До того ли двора до майорскаго.
У майора на дворѣ бѣлъ шатеръ стоитъ.
Какъ во шатрикѣ огонекъ горитъ,
А вокругъ-то огня самъ майоръ сидитъ,
Самъ майоръ сидитъ со майоршею;
У майора ножки скованы,
У майорши ручки связаны.
На часахъ-то стоитъ молодой казакъ,

Передъ нимъ—краса дѣвица,
Краса дѣвица, дочь майорская.
Она плачетъ, говоритъ (слезы катятся):
„Ужъ ты батюшка, молодой казакъ!
Ты раскуй-ка, раскуй ноги батюшкѣ,
Развяжи-ка ты руки моей матушкѣ.
Ужъ и на вотъ тебѣ сто рублей;
Если мало тебѣ, возьми тысячу!“
—«Ужъ ты, глупая красна дѣвица,
Неразумная дочь майорская!
Не надо мнѣ твои сто рублей,
Не нужна мнѣ твоя тысяча:
Мнѣ нужна, дорога—служба царская.»

Записана подъесауломъ М. Т. Лобановымъ.

---

*Б*3. Черна ягодка—смородинка,
Ты когда взошла, когда выросла?
Я весной взошла, лѣтомъ выросла.
Зеленешенька, призаломана,
По пути-дорожкѣ она поразбросана
До того села Шереметьева,
До того двора до майорскаго.
Какъ во томъ-то дворѣ бѣлъ шатеръ стоитъ,
Какъ во этомъ во шатрикѣ сидитъ молодой майоръ со майоршей;
У майора ноги скованы,
У майорши руки связаны;
А на часахъ стоитъ молодой казакъ,
Молодой казакъ лѣтъ семнадцати
Передъ нимъ стоитъ красна дѣвица, дочь майорская;
Во слезахъ она слезно проситъ казака:
„Ты раскуй, раскуй мово батюшку,

Развяжи, развяжи мою матушку!
Я за батюшку тебѣ дамъ пятьсотъ рублей,
А за матушку всею тысячу."
Отвѣчаетъ ей казакъ: „Ой еси, красна дѣвица!
Не моя это воля, воля царская,
Царя Бѣлаго, Петра Перваго."

Ст. Оренбургская, 1904 г., отставной надворный совѣтникъ Аѳанасій Филипповичъ Бѣляевъ 80 лѣтъ; ст. Разсыпная, 1903 г., казакъ Никифоръ Клишинъ 65 лѣтъ.

В1.

На зарѣ, на зоренькѣ,
Зарѣ утренней,
На восходѣ солнца краснаго
Собиралось тутъ собраньице,
Собраньице не малое,
Все только казачій кругъ.
Во кругу-то стоитъ
Раздушечка—младъ донской казакъ.
Передъ нимъ стоитъ
Молодой хорунжій;
Онъ бить-то, не бьетъ,
Все выспрашиваетъ:
„Ты какой такой, казаченька,—
Аль Царевъ сынъ,
Аль Наслѣдникъ?"
—«Я—не Царевъ сынъ,
Не Наслѣдникъ,
А отъ Царя-то я
Посланникъ»....

Ст. Нижнеозерная, 1902 г., казачка Прасковья Семенова.

В2. На зарѣ-то было на утренней,
На восходѣ было солнца краснаго,
Середи торгу-базару, красной площади,
Собиралися казаченьки во единый кругъ.
Во кругу-то стоитъ добрый молодецъ,
Онъ стоитъ-стоитъ, самъ не тряхнется,
И русы-то его кудрюшки не ворохнутся.
Передъ нимъ-то стоитъ воеводушка,
Онъ не бьетъ его, не пытаетъ,—крѣпко спрашиваетъ:
„Ты скажи, скажи, добрый молодецъ,
Скажи ты правду—истину,—
Не атаманъ ли ты, разудаленькій, или атаманскій сынъ,
Не воевода ли ты, разудаленькій, воеводскій сынъ,
Не съ иной ли земли ты, разудаленькій, грозенъ посолъ?“
Отвѣтъ держалъ добрый молодецъ воеводѣ:
«Не тебѣ, собакѣ, меня, молодца, спрашивать,
А не мнѣ-то было тебѣ отвѣтъ держать!
Распросилъ бы меня батюшка, православный царь,
Я сказалъ бы ему, батюшкѣ, правду-истину:
Разорилъ ты прежде войско Донское,
А другое войско Оренбургское,
Пріѣхалъ ты къ намъ разорять въ городъ,
Потревожилъ нашихъ стариковъ старыхъ.»

(Выпускъ 8-ой пѣсенъ Кирѣевскаго стр. 97, а имъ взята изъ сборника Сахарова).

Выступление въ походъ. **А.**

Не сизы-то орлы ко ясному соколу солеталися—
Размолоденькіе, братцы, казаченьки ко начальничку соѣзжалися;
Какъ садились казаченьки во единый кругъ,
По одной по чарочкѣ они выпивали
И начальничка своего поздравляли:
„Мы пойдемъ-ка, братцы-казаченьки, въ походъ скоро!"

Записана подъесауломъ М. Т. Лобановымъ.

Б1.

Изъ-за лѣсика, лѣсу было темнаго,
Изъ-за садику было зеленаго
Выходила тамъ армеюшка Царя Бѣлаго, Петра Перваго,
Выносила царско знамечко раскрашеное, распущеное.
Напередъ-то идетъ младъ полковничекъ,
Какъ за нимъ идутъ хорунжушки,
За хорунжушками молоды урядничкн,
За урядничками молоды казаченьки.
Какъ хорунжушки шашками возбрякнули,
Молоды урядничкн пѣсенку возгаркнули,
А молоды казаченьки слезно всплакнули.

Ст. Разсыпная, 1904 г., нестроевой старшаго разряда (писарь) Гавріилъ Гурѣевъ.

Б2.

Изъ-за лѣсу-то было, лѣсику,
Лѣсу темнаго;
Изъ-за садику-то было, садику,
Садику зеленаго;
Изъ-за вишни-то было, вишни,
Вишни кудрявыя;
Не два стадушка ясныхъ соколовъ,
Соколовъ вылетывали—
Выходила же тутъ армеюшка,
Она Царя Бѣлаго, Петра Перваго.
Напередъ-то идутъ
Все хорунжечки;
Позади-то ихъ идутъ
Все урядничкн;
За урядничками идутъ, добры молодцы—
Все казаченьки;
Во рукахъ-то несутъ царско знамечко
Позлащенное;
Во косыночкѣ царско знамечко
Распущенное.

Записана въ 3-мъ отдѣлѣ въ 1902 г. сотникомъ Д. Е. Пичугинымъ.

В1.

На зарѣ было, все на зоренькѣ;
На восходѣ было солнышка, солнца краснаго;
На просвѣтѣ было свѣтлаго мѣсяца;
Не мѣдна пушечка тутъ возгаркнула—
Артиллерія во походъ пошла,
Во походъ-то пошла въ дальни стороны,
Въ дальни стороны, во персидски слободы.

Ст. Разсыпная, 1903 г., нестр. стар. разр. Гурѣевъ.

В₂.

На зарѣ то было у насъ, на зоренькѣ
Ранней утренней,
На восходѣ было солнце красное,
На закатѣ свѣтлый мѣсяцъ;
Что не мѣдная пушка въ полѣ возбрякнула—
Батареюшка громко пѣсенки возгар-
кнула:
Во походъ она пошла въ дальни строны,
Въ ины города.

Ст. Пречистенская, 1903 г., казакъ Алексѣй Чаусовъ.

———*———

Г.

По горамъ, по доламъ
Леталъ младъ сизой орелъ,
Какъ онъ ѣздилъ, разъѣзжалъ,
Все высматривалъ.
Всѣ казаченьки его
Во строю стоятъ,
Во строю стоятъ они
Развеселые.
Какъ одинъ молодецъ стоялъ
Призадумавшись.
Офицерикъ молодой
Сталъ выспрашивать его:
„Али жалко тебѣ, казачекъ,
Родну сторону?
Али жалко тебѣ, казачекъ,
Роду-племени?
Али жалко тебѣ, казачекъ,
Отца съ матерью?

Али жалко тебѣ, казачекъ,
Молоду жену?
Али жалко тебѣ, казачекъ,
Малыхъ дѣтушекъ?“
Отвѣчалъ казакъ
Правду-истину:
«Нѣтъ мнѣ жалко только
Малыхъ дѣтушекъ:
Милы дѣтушки мои
За пустымъ столомъ сидятъ
И на чужихъ отцовъ глядятъ.»

Ст. Новоорская, 1899 г., урядникъ Михаилъ Өедоровъ.

Д.

«Ты развейся-ка, сѣренькій дубочекъ,—
Завтра морозъ будетъ.»
—«Я морозичку», сказалъ, «не боюся,
Сей часочекъ разовьюся.»
«Собирайся-ка, казакъ, снаряжайся,—
Завтра тебѣ походъ будетъ.»
—«Я походичку», сказалъ, «не боюся,
Сей часочекъ соберуся.»
—«Собирайся-ка, казакъ, снаряжайся,
Со всѣми съ людьми прощайся».
—«Вы прощайте-ка, добрые люди,
Можетъ съ вами я ругался;
Вы прощайте-ка, красныя дѣвицы,
Можетъ съ вами не видаться;
Выстилайте-ка всѣ пути-дорожки,
Чтобы онѣ не пылились;
Вы скажите-ка мамонькѣ родимой,
Чтобы она не грустила;

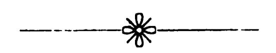
Чтобы мамонька моя не грустила,
Своего сердца не крушила.»

Ст. Оренбургская, 1902 г., сотникъ А. Н. Леонтьевъ.

Е.

Ты прощай, не жди меня:
Выѣзжаю на конѣ,
Сабля острая при мнѣ;
Я за мать, за Русь, свою
Перевѣдаюсь въ бою!
Подростаетъ у насъ дочь,
Выдавай за казака,
Пусть для батюшки Царя
Родитъ въ свѣтъ богатыря!
А подымется нашъ сынъ,
Справится и самъ одинъ;
Будетъ онъ казакъ лихой
И, какъ я, пойдетъ на бой.

Записана во 2-мъ отдѣлѣ въ 1902 г. подъесауломъ Л. Г. Чернявскимъ.

Ж.

Выступимъ, ребята, въ поле!
Полно намъ въ квартирахъ жить:
Хотя волей иль неволей
Намъ велятъ въ походъ итти.
Командира съ нами воля
И его надъ нами власть;
Слушаться—казачья доля,
Знать такая наша часть.
Государь самъ про то знаетъ;
Онъ велитъ поить—кормить,

А за службу награждаетъ,
И намъ не о чемъ тужить!

Записана подъесauломъ М. Т. Лобановымъ.

3. Война.... проснулися станицы,
Забытъ смиренный трудъ.
Блеснули радостныя лица....
Съ трудомъ военнаго похода
Казаки свыклись не страшась.
Нипочемъ имъ холодъ, зной и непогода,
Нипочемъ имъ грозный супостатъ,—
Съ весельемъ—на пиръ кровавый,
Съ одною мыслью впереди:
Иль побѣдить, иль пасть со славой;
Боязни мѣста нѣтъ въ груди.
Казачка мужа провожаетъ....
Молодка плачетъ: горько ей.
Зачѣмъ судьба людьми играешь
По воли прихоти своей?
«Не плачь, не мучь себя напрасно»,
Казакъ женѣ своей сказалъ:
«Ты знаешь, какъ люблю я страстно
Тебя: ты жизнь моя и свѣтъ,
Но есть еще любовь иная:
Къ Россіи—родинѣ, Царю;
Сильнѣй всего она святая
Любовью этой я горю.»
—«Прощай, желанный, ненаглядный,
И береги себя», твердитъ:
«А кто останется со мною,
Съ хозяйствомъ нашимъ и семьей,
Когда головкой своей бѣдной

Погибнешь въ схваткѣ боевой?»
—«Не плачь, не мучь себя напрасно»,
Казакъ женѣ своей въ отвѣтъ:
«Когда останешься вдовою,
Тебѣ поможетъ Богъ и Царь.
Пора и въ путь. Прощай, хозяйка!»
Жену къ груди прижалъ;
Прыгнулъ въ сѣдло;
Взвилась нагайка;
Взметнулся конь и поскакалъ.

Ст. Міасская, 1902 г., урядникъ Михаилъ Соколовъ (сообщилъ сотникъ Д. Е. Пичугинъ); ст. Кундравинская, 1904 г., казакъ Ѳаддей Кожевниковъ 80 лѣтъ (записана нестр. стар. разр. той же станицы Павломъ Вопиловымъ).

Смерть въ походѣ. А 1.

Какъ пошли наши казаченьки во походъ съ полуночи,
Во походъ съ полуночи, въ первомъ часу ночи,
Не прошедши горы, долы, становъ становились;
Они станомъ становились, назадъ оглянулись,
Что назадъ-то оглянулись, про домъ вспомянули:
«Остаются наши домы, высоки хоромы,
Развысокія хоромы, разлапушки—жены,
Разлапушки наши жены съ малыми дѣтями,
Что со малыми дѣтями, притомъ сиротами.»—
Какъ пришлось казаченькѣ въ полѣ захворати;
Померъ, померъ казаченька въ середу по утру,
Что въ середу по утру, въ самую обѣдню.
«Ужъ мы скажемъ, мы доложимъ своему командиру.
Командирушка прикажетъ: «Выройте могилу;
Ужъ вы выройте могилу, сдѣлайте гробницу;
Вы положьте тѣло бѣло между трехъ дорожекъ:

Между питерской, московской, третьей оренбургской.»
Какъ никто къ казаченькѣ, никто къ нему не заѣдетъ;
Заходила залетала горькая кукушка.
Трижды, трижды кукушечка трижды скуковала;
У батюшки, у матушки сердце занывало,
У женушки—молодушки слезы пролилися.

Ст. Оренбургская, 1903 г., казакъ Филиппъ Барбусовъ.

А 2. Шли казаченьки походомъ
Изъ горъ во туманы,
Шли-прошли походомъ,
Оглянулися назадъ.
«Остаются наши домы,
Молодыя жены,
Остается конь вороный
Со парадной сбруей,
Со парадною со сбруей
Съ тесмяною уздою,
Съ кистью золотою.»—
Вздумалъ, вздумалъ казаченекъ
Съ горя померети.
Померъ, померъ казаченекъ
Въ середу по утру;
Онъ въ середу по утру,
Въ самую обѣдню,
Онъ въ самую обѣдню
Лежитъ среди поля.
Мы сдѣлаемъ гробницу
Ему золотую,
Мы выроемъ могилу
Ему глубокую,

Мы выкладемъ могилу
Разными камнями.
Какъ на этой на могилѣ
Выростало дерево;
Это дерево не простое—
Березонька бѣла.
Какъ на этой на березѣ
Кукушка кукуетъ,
Не кукушечка кукуетъ—
Его мать горюетъ:
«Ты вѣдь, сынъ ли мой, сыночекъ,
Ясный соколочекъ!
Ты промолви, сынъ, словечко,
Взвесели сердечко.»
—«Я бы радъ слово сказати,
Уста крѣпко сжаты,
Глазоньки зажаты,
Рученьки прижаты».

Ст. Міасская, 1902 г., урядникъ Михаилъ Соколовъ (сообщилъ сотникъ Д. Е. Пичугинъ.)

---

*А*3. Вотъ пошли наши казаки изъ горъ во туманы,
Что изъ горъ во туманы, во больши увалы,
Во большіе во увалы, на большу дорогу,
На большую на дорогу, назадъ оглянулись,
Что назадъ-то оглянулись, три слова сказали,
Три словечушка сказали, слезно восплакали:
«Остаются наши домы, домы тесовые,
Остаются наши жены, жены молодыя,
Остаются наши дѣтки, дѣтки-малолѣтки,
Остается конь вороный со парадной сбруей,
Со парадною со сбруей, съ тесмяной уздою,
Со тесмяною уздою съ кистью золотою.—

Померъ, померъ нашъ полковникъ въ середу по
утру,
Онъ во середу по утру, въ самую обѣдню.
Ему выкопаемъ могилу ему въ три аршина,
Ему выкладемъ могилу бѣлымъ мраморнымъ
камнемъ.
Что на этой на могилѣ выростало деревцо,
Какъ на этомъ тихомъ древѣ кукушка кукуетъ,
Не кукушечка кукуетъ—родная мать горюетъ:
Ой ты, сынъ мой, сыночекъ, ясный соколочекъ,
Ты скажи-ка мнѣ словечко отъ ретива сердца.—
Я бы радъ слово сказать, сердце не воротится.

Ст. Долгодеревенская, 1901 г., приказный развѣдчикъ Степанъ Ильичъ Подкорытовъ; сообщилъ подъесаулъ Н. С. Головинъ.

A4. Вотъ пошли наши казаки
День и ночь походомъ,
Трай-рай-ритатай,
День и ночь походомъ.
День и ночь они походомъ,
Горами, долами.
Трай-рай-ритатай,
Горами долами.
Они горами, долами,
Темными лѣсами.
Припѣвъ.
Они темными лѣсами,
На станъ становились.
Припѣвъ.
Они на станъ становились,
Тяжко вздохнули.
Припѣвъ.

Они тяжко вздохнули,
Родныхъ помянули.
Припѣвъ.
Остаются у насъ дома
Молодыя жены.
Припѣвъ.
Молодыя у насъ жены
Съ малыми дѣтями.
Припѣвъ.
Съ малыми дѣтями,
Съ отцомъ, матерями.
Трай-рай-ритатай,
Съ отцомъ, матерями.

Ст. Магнитная, 1904 г., урядникъ Филиппъ Ефимовъ.

Казакъ на царской службѣ. А 1.

Соловушекъ прилеталъ;
Молодой казаченька
Въ гости пришелъ, звалъ.
Звалъ онъ меня, дѣвицу,
Уговаривалъ съ собой:
„Пойдемъ, пойдемъ, дѣвица.
Въ службу царскую со мной!
Какъ у насъ во службицѣ
Развеселое житье:
Быстры рѣченьки
Сладкой водкой протекли,
Наши круты бережки
Виноградомъ обросли.»
— «Не обманывай, молодецъ:
Я сама въ службѣ была,
Сама развѣдала.

Ваши быстры рѣченьки
Алой кровью протекли,
Ваши круты бережки
Все слезами облиты.»

Ст. Нижнеозерная, 1902 г., казакъ Нилъ Соколовъ.

———*———

А2. Уговаривалъ парень дѣвченку
Въ службу царскую съ собой:
„Поѣдемъ-ка, раскрасавица,
Въ службу царскую со мной:
У нашего у Бѣлаго Царя
Хорошо въ службѣ жить,—
Какъ вѣдь быстрыя-то рѣчки
Онѣ медомъ протекли,
А крутые бережочки
Всѣ медомъ улиты.“
—«Ты не обманывай, парень, дѣвченку:
Я сама въ службѣ была;
Какъ вѣдь быстрыя-то рѣчки
Онѣ кровью протекли,
А крутые бережочки
Все слезами улиты.»

Ст. Сакмарская, 1904 г., нестр. стар. разр. Лаврентій Брынцевъ.

Б.

Дунай-рѣчка невеличка—
Семь верстъ шириною.
На той ли на рѣчушкѣ
Казакъ платье моетъ,
Онъ моетъ и колотитъ,
Самъ голосомъ воетъ:
„Не наше бы это дѣло
Мыти платье бѣло,
А наше бы только дѣло
Во строю стояти,
На плечо ружье кидати,
Артикулъ метати.“

Записана въ 1890 году войск. старш. Н. К. Бухаринымъ въ ст. Татищевской отъ казака Степана Прокофьевича Смирнова 85 лѣтъ.

В.

Какъ на бой-то, бой,
Мы, казаченьки,—первые,
А какъ фуражъ-жалованье—
Мы послѣдніе....
. . . .

Ст. Ильинская, 1904 г., кол. сов. Д. К. Андреевъ. *)

---

*) Эту пѣсню Д. К. Андреевъ слышалъ еще въ 60-хъ годахъ отъ своего дѣда, и уже въ то время она считалась вымирающею. Въ памяти его сохранилось только приводимое здѣсь начало; отыскать всю пѣсню, къ сожалѣнію, не удалось.

Г. Ты расти-ка, рябина раскудрявая,
Ты не стой-ка, рябина, на горѣ крутой,
Не роняй-ка листья да во сине море:
Во синемъ-то морѣ да корабль плыветъ.
Какъ въ томъ кораблѣ—три полка казакъ,
Три полка казакъ, молодыхъ ребятъ.
Молодой офицеръ Богу молится,
Рядовой-то казакъ домой просится:
„Офицеръ молодой, отпусти меня домой,
Отпусти меня домой къ отцу—матери родной,
Къ отцу—матери родной, къ женѣ моей молодой.“

Ст. Магнитная, 1904 г., урядникъ Филиппъ Ефимовъ.

Д1. Шинкуетъ шинкарка пивомъ да виномъ,
Пивомъ да виномъ, сладкой водочкой.
У этой шинкарки три молодца пьютъ:
Турокъ да полякъ и младъ донской казакъ.
Турокъ вино пьетъ—монету кладетъ,
Полякъ вино пьетъ—червонцы кладетъ,
Донской казакъ пьетъ—на обманъ беретъ:
Молоду онъ шинкарочку все обманываетъ,
Все обманываетъ, уговариваетъ:
„Пойдемъ, пойдемъ, дѣвица, къ намъ на тихій Донъ!
У насъ на тихомъ Дону не по вашему:
Не ткутъ, не прядутъ—хорошо живутъ;
Сошьютъ тебѣ рубашеночки камчатненькія,
Покроютъ тебя фатишки шелковенькія.“
Сѣдлаетъ казаченька онъ добра коня,
Сажаетъ шинкарочку позади сѣдла;
Повезъ онъ шинкарочку во темны лѣса.

—„Вотъ тебѣ, шинкарочка, славный тихій Донъ“
Слѣзаетъ казаченька со добра коня;
Привязываетъ шинкарочку ко сосенкѣ;
Зажигаетъ эту сосенку со комельку.
Сосенка горитъ, дѣвица кричитъ:
«Вотъ тебѣ, казаченька, золота казна,
Золота казна, цвѣтны платьица!...»

Ст. Нижнеозерная, 1902 г., казачка Прасковья Бѣлошеева.

Д[2]. Шинкарка, шинкарка молоденькая.
У этой шинкарки три молодца пьютъ:
Турокъ, полякъ и донской казакъ.
Турокъ вино пьетъ—монету кладетъ,
Полякъ вино пьетъ—червонцы кладетъ.
Казакъ вино пьетъ—денегъ не даетъ,
На стѣнку мѣлитъ, шинкарку манитъ:
„Поѣдемъ, шинкарочка, къ намъ на тихій Донъ:
У насъ на Дону не по вашему:
Не ткутъ, не прядутъ—во шелку ходятъ,
Пашенку не пашутъ, а сладко ѣдятъ.“
Согласилась шинкарочка на обманчивы слова.
Собирала шинкарочка злато-серебро.
Посадилъ казакъ шинкарку на добра коня,
На добра коня, позади сѣдла, позади себя.
Привозилъ шинкарку къ сырой сосенкѣ;
Привязалъ шинкарку къ зеленой сосенкѣ;
Зажегъ, зажегъ сосенку снизу до верху.
Вотъ тебѣ (говоритъ) шинкарка и тихій Донъ!
Сосенка горитъ, а шинкарочка кричитъ:

«Подруженьки-душечки, не давайтесь въ обманъ,
Не давайтесь въ обманъ донскимъ казакамъ.»

Ст. Оренбургская, 1903 г., казачка Авдотья Селиверстовна Барбусова.

Д3. Разсказали намъ про Польшу,
Что богатая,
Вотъ теперь-то мы узнали,—
Голь треклятая.
Какъ по этой-то по Польшѣ
Дорожка лежитъ;
На той ли на дороженькѣ
Корчменка стоитъ.
Въ той-то корчмеsuccessfully ночкѣ
Три молодца пьютъ:
Пруссакъ да полякъ
И младъ донской казакъ.
Пруссакъ водку пьетъ—
Монету кладетъ;
Полякъ водку пьетъ—
Червонцы кладетъ;
Казакъ водку пьетъ—
Ничего не даетъ,
По корчмѣ ходитъ,
Кисетомъ гремитъ,
Кисетомъ гремитъ,
На стѣнкѣ мѣлитъ,
На стѣнкѣ мѣлитъ,
Шинкарку манитъ:
„Шинкарочка, душечка,
Поѣдемъ со мной,

Поѣдемъ со мной,
Къ намъ на тихій Донъ!
А у насъ на Дону
Не по вашему:
Не ткутъ, не прядутъ,
Во шелку ходятъ;
Не сѣютъ, не пашутъ,
Калачи ѣдятъ."
Согласилась шинкарочка
На его слова;
Сажалъ онъ шинкарочку
На добра коня....
Привязалъ онъ шинкарочку
Къ темной сосенкѣ;
Зажигалъ онъ сосенку
Снизу до верху.
«Подруженьки-душечки,
Не давайтесь въ обманъ,
Не давайтесь въ обманъ
Донскимъ казакамъ!»

Сообщилъ сотникъ П. А. Щепихинъ.

Е.

Вольна пташечка моя
По полю летала
Да про милого своего
Вѣстку услыхала.
Какъ во нынѣшнемъ году
Всѣмъ казакамъ смѣна,
А какъ милому мому
Ему смѣны нѣту.
Мнѣ того жальчѣй всего,
Кто съ кѣмъ разстается.

Разстается рыбина
Со свѣжей водою,
Разстается голубокъ
Со сизой голубкой,
Разстается лебедокъ
Съ бѣлою лебедкой—
Разстается молодецъ
Съ красною онъ дѣвицей.

Ст. Долгодеревенская, 1901 г., приказный Степанъ Подкорытовъ; сообщилъ подъесаулъ Н. С. Головинъ.

Ж.

Вотъ бѣжитъ, бѣжитъ вода
　　Въ рѣчкѣ изъ потока,
А за дѣвицей казакъ
　　Гонится далеко.
„Ахъ, родимая моя,
　　Что должна я дѣлать?
Что я буду отвѣчать
　　Милому казаку?“
—«Брось, казака, дочь моя;
　　Слушайся совѣта:
Вѣдь казакамъ-то въ походъ,
　　Ты подумай это.»
—„Нѣтъ совѣта твоего
　　Слушать не хочу я,
И съ казаками въ походъ
　　Завтра же уйду я.
Ахъ, казаки-молодцы!
　　Что у васъ за кони:
Осѣдлайте одного—
　　Не боюсь погони.“

—„Мы даримъ тебѣ коня
Съ вороною гривой,
Если хочешь для тебя,
Осѣдлаемъ живо.“
Годъ проходитъ.... дочь идетъ
Къ матери унылой,
На рукахъ у ней лежитъ
Казаченокъ милый.
—„Ахъ, родимая моя!
Я теперь вотъ каюсь;
Будетъ бабушкой тебя
Называть ласкаясь.“
—«Нѣтъ, совѣта моего
Слушать не хотѣла,
Такъ ступай же ты къ тому,
Съ кѣмъ совѣтъ имѣла.»

Ст. Усть-Уйская, 1902 г., казачка Александра Андреевна Лосева; сообщилъ сотникъ Д. Е. Пичугинъ.

Письмо казака со службы.

Вотъ бѣлая заря занималась,
Мое письмо писать начиналось;
А только солнышко взойдетъ,
Мое письмо домой пойдетъ;
Я писалъ и сказалъ:
„Лети, мой листокъ,
Отъ закату на востокъ,
Въ Оренбургскій городокъ;
Отъ австрійской границы*)
До Буранной станицы,*)

***) Въ этихъ строкахъ названія границы и станицы мѣняются смотря по мѣсту стоянки части и въ зависимости отъ принадлежности пишущаго письмо казака къ той или другой станицѣ.**

А оттуда вылетишь на бугорокъ,
Тамъ увидишь родительскій домокъ,
А оттуда лети сизымъ орломъ
И отворяй дверь правымъ крыломъ,
И на столъ садись;
Тамъ печать разломись,
И мое письмо остановись,
И садись родителямъ на плечи,
И разскажи такія рѣчи:
«Ахъ, Боже мой, Боже мой,
Ты, Творецъ небесный!
Почто Ты меня караешь?
За что навѣкъ съ родными разлучаешь?
Судьба жалости не знаетъ
И мученью предаетъ:
Заставила меня бродить
По всему земному шару.
Вездѣ тихо, вездѣ мрачно,
А на сердцѣ тяжело;
Вотъ кровать та деревянна
И соломенный тюфякъ,
Развалился, ровно пьяный,
Разнесчастный нашъ казакъ.
Скоро только говорится,—
Служба медленно идетъ,
И три года—время долго,
Безъ родныхъ мнѣ скучно жить.
Сторона моя, сторонка,
Разродимая моя!
Скоро ль, милая сторонка,
Вновь увижу я тебя?
Или, можетъ быть, услышу
Звукъ на зорькѣ соловья?
Я, какъ воскъ, на свѣчкѣ таю,
Думаю, что съ жизнью распрощусь:
Вокругъ пули и гранаты—

Цѣлый день надъ головой.
Ты неси мое письмо отъ Подольска
На родимый нашъ Уралъ;
Не забудь сказать родимымъ,
Что мнѣ въ службѣ не везетъ:
Иль начальство нападаетъ,
Иль я самъ всегда въ бѣдѣ;
Будто, смотришь, я стараюсь,
Но талану нѣтъ нигдѣ;
Утромъ рано просыпаюсь,
Передъ иконой на колѣняхъ я стою,
Торопливо убираюсь,
На ученье выхожу.»

Ст. Богуславская, 1899 г., казакъ Өедоръ Мордвинцевъ.

Казаки утѣшаютъ начальника.

Мы снарядимся, братцы-казаченьки, хорошохонько,
Мы пройдемте, братцы-казаченьки, вдоль по улицѣ,
Пропоемте мы, братцы-казаченьки, пѣсню новую,
Мы которую пѣвали на синемъ морѣ.
Мы не пѣсенки, братцы, пѣвали, слезно плакали,
Потѣшали мы, братцы-казаченьки, командирушку:
Еще что же ты, командирушка-младъ, состарился?
—Какъ состарила меня, братцы-казаченьки, смерть-измѣнушка,
Смерть-измѣнушка, братцы-казаченьки, измѣнушка*) Царя Бѣлаго.

Записана отставнымъ генералъ-маіоромъ А. И. Суровымъ.

---

*) Здѣсь слово „измѣнушка“ употреблено въ смыслѣ перемѣны отношенія.

Война.

Скучно жить сиротѣ
На чужой сторонѣ:
Все не мило, все постыло,
Нѣтъ веселья для меня.
Вспомню городъ родной,
Самъ зальюся слезой:
Всѣмъ былъ воленъ, всѣмъ доволенъ,
Нужды—горечи не зналъ,
Но теперь я узналъ:
Во степи я побывалъ.
Во чистомъ полѣ—страсть и горе:
Черно море шумитъ,
Съ кораблей огонь летитъ,
Турокъ душитъ, стѣны рушитъ.
Турокъ кричитъ: „Алла!"
Русскій кричитъ: „Ура!"
Кто изрубленъ, кто израненъ,
А кто плаваетъ въ крови.

Записана войск. старш. Н. К. Бухаринымъ въ ст. Нижнеозерной отъ урядника 61 года Андрея Гавріиловича Яковлева.

Смерть въ сраженіи.

„Сторона, моя сторонка,
Разродимая моя!
Скоро ль, милая сторонка,
Вновь увижу я тебя?
Или, можетъ быть, услышу
Звукъ на зорькѣ соловья?"
Казакъ, герой, съ коня свалился,
И упалъ онъ внизъ лицомъ.
Его товарищи подняли,
На перевязку понесли;

Онъ сказалъ имъ: „Братцы, дружно
Стой за батюшку-Царя!
Теперь я знаю, и я чую,
Что домой я не вернусь,—
Я, какъ воскъ, на свѣчкѣ таю,
Такъ и съ жизнью распрощусь.“
А самъ вздохнулъ онъ три разочка,
Призакрылъ свои глаза...

Ст. Гирьяльская, 1900 г., урядникъ Яковъ Косогорсковъ.

Ожиданіе съ войны. 1.

Атаманъ ѣдетъ на войну,
Что ни конь подъ нимъ гнѣдой;
Атаманша молодая
Провожала далеко,
А племянница родная
Стала спрашивать его:
„Ужъ ты, дяденька родимый,
Ты когда будешь домой?“
Онъ сказалъ ей слово вѣрно,
Закричалъ на весь народъ:
«Къ Рождеству Христову буду
Или въ самый Новый годъ!»
Вотъ всѣ праздничкн проходятъ,
Атаманъ не ѣдетъ къ намъ.
Какъ по питерской дорожкѣ,
По оренбургской столбовой,
Что не пыль столбомъ клубится—
Молодой курьеръ бѣжитъ.
Пойду спрашивать курьера
Про атаманово житье:
„Ты куда, курьерчикъ,
Такъ скоро спѣшишь?“

—Молодая атаманша
Стала спрашивать его —
Онъ сказалъ ей слово вѣрно,
Закричалъ во весь народъ:
«Вы скидайте цвѣтны платья,
Сотирайте красоту,
Надѣвайте черный трауръ,
Всю вамъ правду разскажу.
Какъ убили атамана во степи,
На широкой площади.
Какъ двѣнадцать архіереевъ
Память вѣчную поютъ,
Какъ двѣнадцать генераловъ
На главахъ его несутъ,
Какъ два главныхъ генерала
Ордена несутъ,
А какъ молодые офицеры
Коня гнѣдова ведутъ.“

Ст. Гирьяльская, 1900 г., урядникъ Яковъ Косогорсковъ; ст. Нижнеозерная, 1902 г., казакъ Нилъ Стрижевъ.

———*———

*А*2. Собирался гетманъ на бой,
Подъ нимъ конь былъ гнѣдой.
Племянница родная спрашиваетъ его:
„Ужъ ты, дядюшка родимый,
Ты когда будешь домой?“
—«Я во пятницу не буду,
А въ субботу рано возвращусь.»
Вся недѣлюшка проходитъ,
А гетмана съ войны нѣтъ.
Вдругъ по близости къ окошку
Курьеръ съ вѣстью скоро прискакалъ,
Рѣчь печальную курьеръ сказалъ:

„Вы снимайте цвѣтно платье,
Надѣвайте черноту,
Надѣвайте черноту,
Смывайте съ лица красоту:
Вашъ-то дяденька скончался,
На военномъ полѣ лежитъ;
На площади я тутъ случился.“

Записана въ 1902 году подъесауломъ Л. Г. Чернявскимъ во 2-мъ отдѣлѣ.

КАЗАЧКА.

Б. Надеждой грудь свою терзая,
Сидитъ казачка молодая,
Склонившись низко у окна,
Въ слезахъ, печальна и блѣдна.
Предъ ней широкая дорога,
Ея мечты—души тревога,
Какъ лента, вьется по холмамъ
Вдали къ синѣющимъ горамъ.
По той дорогѣ ея милый,
Сердечно, горячо любимый
Казакъ лихой и удалой
Съ войны хотѣлъ притти домой.
Но не клубится пыль степная,
Не вспрянетъ перепеловъ стая,
Не слышно ржанья лошадей,
Все тихо, мертво средь степей.
Уже и солнце за горою
Ушло искать себѣ покою:
Ему на смѣну молодой
Явился мѣсяцъ золотой.

Но ждетъ казачка молодая,
Тоскою грудь свою терзая,
Въ слезахъ, склонившись у окна,
Домой лихого казака.

(Выписана подъесауломъ М. Т. Лобановымъ изъ 1-го выпуска „Казачьяго сборника" 1887 года).

В.

Съ надеждой вѣрною, чужбиной,
Кручину въ сердцѣ затая,
Скакалъ казакъ черезъ долины
На свои родны поля.
Скакалъ и конь его усталый,
Покоренъ спѣху сѣдока;
Уже Урала лугъ прибрежный
Очамъ виднѣлся казака.
Вотъ близко берегъ.... Конь усталый
По дну песчаному бредетъ;
Вздохнулъ, встряхнулся и лугами
Онъ быстро всадника несетъ.
Туманъ разсѣялся.... Полями
Казакъ молча прилегъ къ лукѣ,
Вотъ быстро мчится онъ садами,
Блеститъ колечко на рукѣ.
Кольцо казачка подарила,
Когда казакъ пошелъ въ походъ;
Клялась она и говорила:
„Твоя я буду черезъ годъ!"
Вотъ годъ прошелъ. Казакъ стрѣлою
Къ селу родимому спѣшитъ;
Станицу видитъ подъ горою;
Вздрогнуло сердце, онъ молчитъ....

Не вѣрь, казакъ, мечтамъ, обману!
Сверши въ душѣ пути конецъ,
Аль воротися къ атаману,
Гдѣ ждетъ невольника вѣнецъ.
Твою казачку за другого
Противу сердца отдаютъ.
Коня ты гонишь попустому,
Не здѣсь, родимый, твой пріютъ.
Лети, скачи, казакъ, чрезъ горы!
Забудь казачку и село;
Въ чужомъ краю не знай свободы;
Умри, склоняся на сѣдло!

Ст. Нижнеозерная, 1902 г., урядникъ Степанъ Петровъ; ст. Кардаиловская, 1903 г., ветер. фельдшеръ Стариковъ и казакъ Зобнинъ; ст. Гирьяльская, 1904 г., нестр. стар. разр., Иванъ Вишняковъ.

Г 1.

Погасло солнце за морями,
Стоитъ казачка у воротъ
И въ дальній путь
Глядитъ съ тоскою,
И слезы льются изъ очей.
„О чемъ, казачка, слезно плачешь?
О чемъ, красавица, грустишь?“
—«Одна печаль меня смущаетъ:
Велятъ мнѣ милаго забыть;
Но нѣтъ во вѣкъ дружка я не забуду!
Когда на родину придетъ,
Въ живыхъ меня онъ не застанетъ,—
Въ могилу хладную снесутъ.»
А мать казачку утѣшала:
„Не плачь, родная, дочь моя!
Тебѣ женихъ уже готовый,

Ты будешь въ золотѣ ходить,
Онъ бравый, статный,
Ты должна его любить.“
—«Я буду, матушка, покорна
И выйду замужъ за него;
Потомъ ты будешь виновата:
Несчастной сдѣлаешь меня.»
По утру, съ горькими слезами,
Везутъ казачку подъ вѣнецъ;
Она дрожащими устами
Произнесла: «Судьбѣ конецъ»....
Казачку въ землю опустили
И гробъ, усыпанный цвѣтами,
Сырой землей зарыли,
И долго, долго горевали,
Поплакали, домой пошли.—
Какъ по полю казакъ мчится
На ворономъ своемъ конѣ;
Онъ мыслитъ съ милой обручиться
И отдохнуть въ своей странѣ.
Мать на крылечкѣ стоитъ.
„Здравствуй, матушка родима!
Гдѣ Наташенька моя?“
—«Твоей Наташи въ живыхъ нѣту,
Она въ сырой землѣ лежитъ;
Родные плакали, рыдали,—
Она красавица была.»

Ст. Усть-Уйская, 1902 г., казачка Александра Андреевна Лосева; ст. Пречистенская, 1899 г., казакъ А. Константиновъ; ст. Нижнеозерная, 1901 г., урядникъ Чулаковъ; ст. Міасская, 1902 г., урядникъ Михаилъ Соколовъ (записалъ сотникъ Д. Е. Пичугинъ).

Г. 2.

Потухло солнце за горами,
Сидитъ казачка у окна;
Она сидитъ со своей думой,
И слезы льются изъ очей.
„О чемъ, о чемъ, казачка, плачешь?
О чемъ, бѣдняжечка, грустишь?“
—«Какъ мнѣ, казачкѣ, не плакать
И какъ бѣдняжкѣ не грустить?
Одна печаль меня смущаетъ:
Велятъ мнѣ милаго забыть.
Я во вѣки друга не забуду;
Казакъ на родину придетъ,
Хотя въ живыхъ меня не будетъ,
Въ могилѣ онъ меня найдетъ.»
Какъ со утру раненько
Ведутъ казачку подъ вѣнецъ;
Какъ со вечеру поздненько
Въ могилу хладную снесли.
Урядили гробъ цвѣтами,
Огребли, домой пошли.—
Какъ ровно вѣтеръ, въ полѣ мчится
Казакъ на боевомъ конѣ.
Вблизъ селенія подъѣзжаетъ,
Увидѣлъ дѣда своего.
Онъ дѣда вопрошаетъ:
„Скажи, казачка гдѣ моя?“
Дѣдъ сквозь слезы отвѣчаетъ:
«Казакъ, казачка здѣсь твоя!»
Онъ вынулъ ноги изъ стремянъ,
Закинулъ поводъ на гнѣдка
И прямо съ бережка крутого
Въ рѣчку быструю упалъ....

Вѣтеръ дуетъ; шумитъ Волга;
Казакъ ко бережку приплылъ.

Ст. Оренбургская, 1904 г., казачка Елена Батюшкина; ст. Нижнеувельская, 1902 г., братья казаки Романъ и Филиппъ Тутаевы (записалъ сотникъ Д. Е. Пичугинъ).

О ПЛѢННОМЪ МАЙОРѢ.

Возвращеніе съ войны. *А.*

Какъ по питерской большой дорогѣ
Бѣжитъ-то, спѣшитъ скорой курьеръ
(Курьеромъ-то сидѣлъ молодой майоръ),
Бѣжитъ-то, спѣшитъ изъ неволи къ Царю Бѣлому.
Какъ слѣзаетъ-то онъ со ямской тройки,
Беретъ-то, беретъ за перилы,
За тѣ же перилушки камышаровы.
Лѣвой ноженькой молодецъ оступился,
Правой рученькой ухватился,
Какъ упалъ-то, упалъ на матушку, на сыру землю;
Закричалъ-то молодецъ своимъ нѣжнымъ голосомъ:
„Ужъ ты, батюшка, Бѣлый Царь!
Не приказывай меня казнить-вѣшати,
Прикажи мнѣ слово молвить:
Прикажи отвести мнѣ квартиру
У той вдовы, которая вдовой сидитъ девять лѣтъ,
На десятомъ-то годочкѣ отведи квартиру мнѣ
Какъ у той-то вдовы широко подворьице пустымъ-запустѣло,
Заростало-то оно травой-муравой,
Еще частыми лазоревыми, алыми цвѣтами“

Записана войск. старш. Н. К. Бухаринымъ въ ст. Разсыпной отъ казака Степана Давыдова, донца.

Б1. Что не солнышко изъ-за горъ выкаталося,
И садилося оно за горой;
Все*ю* землю оно отемнило
Все ночною темнотой;
Все*ю* травоньку уросило
Ранней утренней росой.
Какъ по питерской большой дорожкѣ
Распресильна пыль пылитъ;
Ничего въ пыли не видно,
Только шашечки однѣ блестятъ:
Два храбрыхъ кавалера
Изъ походику они идутъ.
Подходили они ко селенью.
Вдоль по улицѣ прошли.
Подходили ко хижинкѣ,
Попросились ночевать:
„Ужъ ты, вдовушка, вдова,
Ты пусти-ка насъ, пусти
Ночку ночевать!"
—«Я бы рада васъ пустить,
Дома нѣту никого,
Три дня печку не топила,
Не варила ничего.. .»

Ст. Нижнеозерная, 1902 г., казакъ Нилъ Стрижевъ.

Б2. Что не солнышко изъ-за горъ выкаталося,
Не садилось оно за горой,
Всю землю отемнило
Все ночною темнотой,
Всю землю оросило
Ранней утренней росой.

Какъ по питерской дорожкѣ
Что не пыль шибко пылитъ—
Какъ два храбрыхъ кавалера
Со сраженьица идутъ.
Какъ одинъ-отъ лѣтъ во тридцать,
А другой—какъ бѣлый снѣгъ,
Сѣдиною прiукрашенъ,
И вся грудь его въ крестахъ.
Подходили они близко ко деревнѣ;
Попросились ночевать:
„Ты, разлюбезная наша хозяюшка,
Ты пусти-ка ночевать."
—«Ужъ я рада бы васъ пустила,
А мнѣ нечѣмъ васъ принять.»
—„Разлюбезная наша хозяюшка,
Намъ не надо ничего."

Ст. Сакмарская, 1904 г., нестр. стар. разр. Лаврентiй Брынцевъ.

***Б*3.** Какъ подъ деревцомъ, подъ ветлинкою
Нова хижинка стоитъ;
Какъ во этой во хижинкѣ
Стара вдовонька живетъ.
Она сидѣла передъ окошечкомъ
И смотрѣла во чисты поля;
Во чистомъ-то полечкѣ
Что не видно, право, ничего,
Только увидала, усмотрѣла она
Ѣдутъ два героюшка;
Какъ одинъ-то герой,
Какъ бѣленькiй снѣжочекъ,

А второй-то герой,
Какъ аленькій цвѣточекъ.
Вотъ подходятъ они къ новой хижинкѣ
И просятся у вдовоньки ночевать:
„Разлюбезна, ты, наша хозяюшка,
Пусти ночку ночевать!“
—«Я бы рада васъ пустила
Да три дня хату не топила,
Три дня хату я не топила и не варила:
Права нѣту ничего.»
—„Разлюбезная наша хозяюшка,
Намъ не надо ничего.“
Восходили они въ нову хижинку,
Помолились Богу.
Одинъ-то героюшка сѣлъ на лавочку,
А другой насупротивъ его,
А разлюбезная хозяюшка подошла къ печкѣ
И слезно восплакнула.
Какъ одинъ-то героюшка
Сталъ ее спрашивать:
„О чемъ плачешь, разлюбезная наша хозяюшка,
Во слезахъ шибко рыдаешь?“
—«Какъ мнѣ не плакать,
Во слезахъ мнѣ не рыдать:
Проводила свово мужа
И вслѣдъ сына своего;
Прослужили они двадцать пять лѣтъ,
А о нихъ и вѣстки нѣтъ,
Нѣтъ ни слуху, нѣтъ ни духу,
Про нихъ, право,—ничего.»
—„Ты не плачь, наша хозяюшка:
Мы явились сами предъ тобой.“

Ст. Разсыпная, 1903 г., казакъ А. Дементьевъ.

Б4. По питерской по дорожкѣ
Не пыль въ полѣ пылитъ—
Два славныхъ кавалера
Изъ походика идутъ;
Одинъ, какъ лунь, бѣлъ,
Другой въ молодыхъ лѣтахъ.
Подъѣзжаютъ же они ко селеньицу,
Подъѣзжаютъ они ко избеночкѣ,
И просятся они ночевать:
„Молодая вдова, хозяйка,
Пусти насъ ночевать.“
—«Я бы рада васъ пустила,
У меня хата не топлена,
И ничего не варено.»
Они входятъ въ избеночку;
Одинъ сѣлъ на лавку,
Другой—на скамью,
А вдовонька у печки
Заливается слезми.
Молодой герой спрашиваетъ:
„О чемъ плачешь, о чемъ слезы льешь?“
—«Какъ же мнѣ не плакать,
Какъ слезы не лить:
Съ кѣхъ-то поръ вдовѣю,
Съ кѣхъ-то сиротѣю!»
—„На-ка тебѣ, вдовушка, платочекъ,
А въ немъ узелочекъ,
А въ немъ перстенечекъ:
Мы давно съ тобой вѣнчались
И перстнями обручались.“
Приняла она платочекъ,
Развязала узелочекъ,
Взяла перстенечекъ....
«Ахъ, мой голубочекъ!»

Ахнула и покатилась:
Богу душу отдала.

Записана войск. старш. Н. К. Бухаринымъ въ 1890 году въ ст. Татищевской отъ казака Матвѣя Рахманина.

В1. Настала священная брань на враговъ
И въ битву помчала Урала сыновъ.
Одинъ изъ казаковъ, наѣздникъ лихой,
Лишь годъ одинъ живши съ женой молодой,
Любя ее страстно и страстно любимъ,
Былъ долженъ разстаться съ блаженствомъ своимъ.
Прощаясь съ женою, сказалъ: „Будь вѣрна!“
—«Вѣрна до могилы!» сказала она.
Три года за родину бился съ врагомъ,
Разилъ супостата копьемъ и мечомъ.
Безстрашный наѣздникъ, всегда впереди:
Свидѣтели раны, и всѣ на груди....
Окончивши битву, онъ ѣдетъ домой,
Все страстный, все вѣрный женѣ молодой.
Уже достигаетъ Урала бреговъ
И видитъ навстрѣчу идущихъ отцовъ;
Казакъ нашъ объемлетъ отца своего,
Но въ тайной печали онъ видитъ его.
—„Повѣдай, родитель, повѣдай ты мнѣ
О матери родной, о милой женѣ?“
Старикъ отвѣчаетъ: „Здорова семья;
Но, сынъ мой, случилась бѣда у тебя:
Тебѣ измѣнила младая жена,
Зато отъ печали изсохла она!
Раскаянье видя, простили мы ей;
Прости и ты, сынъ мой, мы просимъ объ ней.“

Ни слова отвѣта; идетъ онъ съ отцомъ
И вотъ уже входитъ въ родительскій домъ.
Упала на грудь его матерь въ слезахъ,
Жена молодая лежала въ ногахъ.
Онъ мать обнимаетъ, иконамъ святымъ,
Какъ быть, помолился съ поклономъ земнымъ....
Вдругъ сабля взвилася могучей рукой....
Глава покатилась жены молодой;
Безмолвно онъ голову тихо беретъ
И, молча, къ народу на площадь несетъ.
Свое преступленье онъ всѣмъ объявилъ
И требовалъ казни... и казнь получилъ...

——

(Мякушинъ стр. 186).

Ст. Оренбургская, 1903 г., сотникъ Г. Н. Качалинъ; записана также во 2-мъ отдѣлѣ въ 1902 году подъесауломъ Л. Г. Чернявскимъ.

В2. Одинъ изъ казаковъ, наѣздникъ лихой,
Онъ, году не живши съ женой молодой,
Любя ее страстно, былъ страстно любимъ,
Но долженъ разстаться съ блаженствомъ своимъ.
Сталъ разставаться, три слова сказалъ:
„Прощай, мой родитель, прощай, мать моя;
Жена молодая“, сказалъ, „будь вѣрна!“
—«Вѣрна до могилы!» сказала жена.
За русскихъ три года дрался со врагомъ,
Разилъ супостата копьемъ и мечомъ;
Безстрашный наѣздникъ, всегда впереди,
Свидѣтели—раны и крестъ на груди.
Окончились битвы, онъ ѣдетъ домой
Ураломъ рѣкой, своей стороной,
Своей стороной къ родинѣ родной.

Онъ видитъ ѣдущихъ навстрѣчу родителей своихъ.
„Здравствуй, родитель! Здорова ль семья?
Здорова ль семья, молодая жена?“
—«Здравствуй, нашъ сыночекъ, сынъ нашъ родной!
У тебя, сынъ любезный, случилась бѣда:
Жена молодая измѣнила тебѣ,
Измѣнила, сгубила: сына родила,
Со этой печали изсохла сама.»
Отецъ на колѣняхъ, а мать во слезахъ:
«Прости, сынъ любезный, жену во грѣхахъ!»
—„За все я прощаю, за одно не прощу!“
Шашечка блеснула въ могучей рукѣ,
Глава покатилась жены молодой.
Онъ тихо, безмолвно главу жены беретъ,
Надѣвъ ее на древко, на площадь несетъ;
Свое преступленье являетъ онъ всѣмъ:
„Берите, вяжите: моя вина во всемъ!“

Ст. Гирьяльская, 1901 г., нестр. стар. разр. Иванъ Вишняковъ.

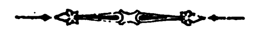

Г.

Вокругъ могилы зеленѣя
Растутъ деревья, виноградъ,
А въ той могилѣ, въ этой самой,
Лежитъ отецъ и моя мать....
Съ отцомъ я, съ матерью простился,
И самъ уѣхалъ на Кавказъ;
Злыхъ я турокъ побѣдитель
Назадъ вернулся видѣть васъ.
Подъѣзжаю къ тому дому....
Въ домѣ тихо и темно;

Посмотрѣлъ я сквозь окошко—
Въ домѣ нѣту никого...

Ст. Міасская, 1902 г., урядникъ Михаилъ Соколовъ (записана сотникомъ Д. Е. Пичугинымъ).

Д. Звонокъ звенитъ, и тройка мчится,
Несется пыль по столбовой,
На крыльяхъ радости стремится
Въ домъ кровныхъ воинъ молодой.
Въ чужихъ краяхъ съ врагами дрался,
Царю, отечеству служилъ,
Онъ съ ними юношей разстался,
Пятнадцать лѣтъ въ разлукѣ жилъ.
Онъ увидалъ село родное,
На Божьемъ храмѣ крестъ горитъ;
Его забилось ретивое,
Слеза невольная блеститъ.
Ямщикъ, пой пѣсни веселѣе!
Лихая тройка, вихремъ мчись!
Онъ увидалъ отцовскій домикъ;
Вотъ отчій домъ: остановись!
Звонокъ умолкъ, и паръ клубится
Съ коней ретивыхъ удалыхъ;
Нежданный гость въ окно стучится,
Онъ входитъ быстро въ кругъ родныхъ.
Его родные не признали,
Въ немъ измѣнилися черты,
И всѣ невольно вопрошали:
„Скажи, служивый, кто же ты?“
Я вамъ привезъ письмо отъ сына.
Онъ живъ, здоровъ и шлетъ поклонъ;

Въ немъ кровь моя, мое и имя,
Ну словомъ я, какъ будто онъ.
„Нашъ сынъ! нашъ братъ!“ тогда вскричали
Родные кровные его,
Въ объятьяхъ слезы проливали,
Не отходили отъ него.
Звенитъ звонокъ, ямщикъ несется
Въ обратный путь уже одинъ,
И пѣсня громко раздается,
Вдали чуть слышно: динь, динь, динь!

Ст. Міасская, 1902 г., урядникъ Михаилъ Соколовъ; записана сотникомъ Д. Е. Пичугинымъ.

Возвращеніе со службы. A 1.

„Конь мой вѣрный, конь ретивый!
Нѣтъ мнѣ лучшаго коня.
Скоро ль къ родинѣ счастливой
Ты, лихой, домчишь меня?
Не родное здѣсь намъ поле:
Разъѣзжать намъ по степямъ,
Давно не былъ ты на волѣ,
Среди вольныхъ табуновъ“.
Прослуживъ въ степи три года,
Такъ казакъ коню сказалъ;
Возвращаясь изъ похода,
Казакъ на родину спѣшитъ.
Вотъ переулкомъ ужъ знакомымъ
Рысью конь его бѣжитъ.
Вотъ казакъ передъ жилищемъ
Коня свово остановилъ.
Что же видитъ: разгороженъ
Дворъ, травою весь заросъ

И давнымъ-давно заброшенъ,
Обветшалый и пустой.
Тутъ сосѣдъ къ нему съ участьемъ
Подошедши, такъ сказалъ:
«Безъ тебя, мой другъ любезный,
Богъ отрядъ*) нашъ наказалъ:
Насъ несчастье посѣтило:
Многихъ въ землю отвело,
И родныхъ твоихъ могила
Давно травою поросла.»
Отъ печальнаго жилища
Казакъ коня поворотилъ
И поѣхалъ на кладбище
Тамъ искать своихъ родныхъ.

(*Стариковъ стр. 225*).

———*———

A2. „Конь мой вѣрный, конь ретивый!
Нѣтъ мнѣ лучшаго коня.
Скоро ль къ родинѣ счастливой
Ты, лихой, домчишь меня?
Не родное здѣсь намъ поле,—
Разъѣзжать намъ по степямъ;
Не былъ ты давно на волѣ
Среди вольныхъ табуновъ."
Прослужилъ казакъ три года,
Сталъ на родину спѣшить.—
Переулочкомъ знакомымъ
Рысью конь его бѣжитъ.

*) До 1865 года поселенія оренбургскихъ казаковъ назывались „отрядами."

Вотъ казакъ передъ жилищемъ
Вдругъ коня остановилъ,
Гдѣ желаннаго пріюта
Онъ хотѣлъ себѣ найти.
Видитъ дворъ весь разгороженъ,
Обветшалый и пустой,
И давнымъ давно заброшенъ,
Какъ сиротка онъ стоитъ.
Тутъ сосѣдъ къ нему съ участьемъ
Подошедши, такъ сказалъ:
«Безъ тебя, мой другъ любезный,
Богъ отрядъ нашъ наказалъ:
Насъ несчастье посѣтило,
Многихъ въ землю отвело,
И твоихъ родныхъ могила
Давно травою заросла.»
Отъ печальнаго жилища
Казакъ коня поворотилъ
И поѣхалъ на кладбище
Тамъ искать своихъ родныхъ.

Ст. Гирьяльская, 1902 г., нестр. стар. разр. Иванъ Вишняковъ.

А3. Прослужилъ казакъ три года,
Сталъ казакъ коня ласкать:

„Конь мой вѣрный, конь ретивый
Нѣтъ мнѣ лучшаго коня,

Скоро ль къ родинѣ счастливой
Ты, лихой, домчишь меня?

Конь давно не былъ на волѣ
На родныхъ своихъ поляхъ,

По Россіи ты гулялъ
Не въ знакомыхъ табунахъ!»
Вотъ по переулочкамъ знакомымъ
Конь рысцою пробѣжалъ.
Подбѣгаетъ конь къ воротамъ,
Шибко, громко конь проржалъ.
Вдругъ сосѣдъ навстрѣчъ выходитъ,
Рѣчь печальну говоритъ:
„Безъ тебя, мой другъ любезный,
Богъ отрядъ нашъ наказалъ:
Дворъ твой брошенъ, разгороженъ
И заросъ густой травой;
Померла твоя надежда,
И скончалася любовь.“
Отъ печальнаго жилища
Повернулъ казакъ коня,
Поскакалъ онъ на кладбище,
Гдѣ нашелъ своихъ родныхъ.

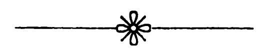
Ст. Богуславская, 1904 г., казакъ Полудневъ; записана также во 2-мъ отдѣлѣ въ 1902 г. подъесауломъ Л. Г. Чернявскимъ.

Б.

Конченъ, конченъ дальній путь,
Вижу край родимый,
Сладко будетъ отдохнуть
Мнѣ съ подружкой милой.
Долго въ грусти ты ждала
Казака младого,
Чуть забрезжила луна
Съ неба голубого.
Вотъ веселый Донъ течетъ
Тихою струею,

Съ нетерпѣнья конь мой ржетъ,—
Чуетъ предъ собою
Онъ траву родныхъ бреговъ,
Гдѣ въ счастливой долѣ,
Средь знакомыхъ табуновъ,
Конь гулялъ на волѣ.
Такъ казакъ спѣшилъ домой,
Понукалъ гнѣдого;
Борзый конь летитъ стрѣлой
Ко селу родному.
Вотъ приблизился донецъ
Къ своему селенью.
„Стой товарищъ: намъ конецъ—
Нашему стремленью.“
Видитъ онъ не веселъ Донъ,
Входитъ во свѣтлицу
И объяту крѣпкимъ сномъ
Будитъ онъ дѣвицу:
„Встань коханочка моя,
Встань и улыбнися,
Поцѣлуй скорѣй меня
И къ груди прижмися.“

Ст. Сакмарская, 1904 г., нестр. стар. разр. Л. Брынцевъ.

Г 1. О чемъ задумался, служивый?
О чемъ ты плачешь, удалой?
Иль тебѣ служба-матка надоѣла,
Иль заболѣлъ твой конь лихой?
Мой конь болѣзни не боится,
Здоровъ онъ, веселъ, громко ржетъ,
Ему на мѣстѣ не стоится,
Копытомъ землю грозно бьетъ.

Пойду, схожу я въ ту сторонку,
Гдѣ отецъ съ матерью живетъ.
Но прихожу я въ ту деревню;
Стоитъ тамъ старая изба.
Въ этой старой избушкѣ
Горитъ лампада, какъ луна,
И передъ Божіей иконой
Стоитъ старушка, мать моя.
Мать объ сынѣ вспоминала,
Что сынъ далеко отъ нея,
Но не успѣла сказать слово,
Какъ сынъ вступаетъ на порогъ.
Вошелъ онъ въ избу, помолился
Иконамъ Божіимъ святымъ,
И, снявъ онъ шапку, перекрестился,
Съ поклономъ низкіимъ сказалъ:
„Здоровы ль всѣ мои родные?
Здорова ль, матушка моя?
Но я пришелъ къ тебѣ проститься:
Прости, родная мать моя!
Благослови меня, родная,
Въ чужую дальнюю страну!“
Успѣла мать благословить,
И Богу душу отдала.

Записана во 2-мъ отдѣлѣ въ 1902 г. подъесауломъ Л. Г. Чернявскимъ.

Г. 2. „О чемъ задумался, служивый?
О чемъ горюешь, удалой?
Аль служба-матка надоѣла?
Аль захворалъ твой конь лихой?“
—«Мой конь болѣзни не боится;

Здоровъ онъ, веселъ, громко ржетъ;
Ему на мѣстѣ не стоится,
Копытомъ грозно землю бьетъ.»
—„Скажи, родной, насъ съ тобой двое,
Аль ты красотку полюбилъ?“
—«Люблю страну свою родную,
Люблю я край родной;
На краю селенья,
Тамъ мать старушка живетъ,
Она слезно плачетъ,
Сына со службы ждетъ.»

Ст. Оренбургская, 1904 г., казачка Елена Батюшкина.

Д. Изъ-за лѣсу, изъ-за горъ
Поднималась туча-громъ,
Поднималась туча-громъ
Со частымъ мелкимъ дождемъ.
Они три годочка прошумѣли,
Ни по чемъ мы не тужили;
Пришла смѣнушка весной,—
Пошла сотенка домой.
Здравствуй, домикъ и Донецъ,
Всѣ родные и отецъ!
Здравствуй, женушка-жена,
Ты здорова ли была?

Ст. Сакмарская, 1904 г., нестр. стар. разр. Л. Брынцевъ.

Е.

Ужъ вы, гости, мои гости,
Посидите у меня.

Припѣвъ: Айли, айли, ай до люли,
Посидите у меня.

Посидите у меня,
Да поглядите на меня.

Припѣвъ.

Поглядите на меня,
На бесѣду на мою.

Припѣвъ.

На бесѣду на мою,
Я вамъ пѣсенку спою.

Припѣвъ.

Я вамъ пѣсенку спою,
Да про службицу свою.

Припѣвъ.

Два мы годичка служили,
Ни о чемъ мы не тужили.

Припѣвъ.

Сталъ годъ третій наступать,
Стали сердцемъ тосковать.

Припѣвъ.

Стали сердцемъ тосковать
И про смѣну узнавать.

Припѣвъ.

Получили мы приказъ
Отъ Варшавы и до насъ.

Припѣвъ.

Получили мы второй,
Полку нашему домой.

Припѣвъ.

Ужъ ты, Донъ ли, мой Донецъ,
Здравствуй, маменька, отецъ.

Припѣвъ.

Здравствуй, маменька, отецъ!
Здравствуй, женушка моя!

Ирипѣвъ.

Здравствуй, женушка моя,
Хорошо ли ты жила?

Припѣвъ.

Ивановичъ, хорошо,
Хоть бы съ годикъ бы еще.

Припѣвъ.

Хоть бы съ годикъ или два,
Погуляла молода.

Припѣвъ: Айли, айли, ай до люли,
Погуляла молода.

Ст. Магнитная, 1904 г., урядникъ Филиппъ Ефимовъ.

ПРИМѢЧАНІЯ.

ОТДѢЛЪ I. БЫЛИНЫ.

Изъ этой былины усматривается, что міръ, по понятію народа, получилъ начало отъ синяго неба и отъ сырой земли. По этому поводу не мѣшаетъ замѣтить, что зерно миѳологіи всѣхъ арійскихъ народовъ составляетъ представленіе о божествѣ неба и о матушкѣ кормилицѣ-землѣ. Индусы чтили небо подъ именемъ Варуны, греки въ образѣ Урана, германцы поклонялись подъ именемъ Ціу, славяне—Сварога. Земля олицетворялась греками въ образѣ Деметры и Геры, италики называли ее Церерой и Юноной, германцы чтили ее подъ именемъ Нертусъ и Фреи, славяне—матери сырой земли.

ОТДѢЛЪ II. ПѢСНИ РАЗБОЙНИЧЬИ.

ОТДѢЛЪ III. ПѢСНИ БЫЛЕВЫЯ БЕЗЫМЯННЫЯ.

Указатель лицъ, сообщившихъ пѣсни, и станицъ, къ которымъ они принадлежатъ.